

**Татвяна
ВИЗБОР**

**"Здравствуй,
здравствуй,
я вернулся!.."**

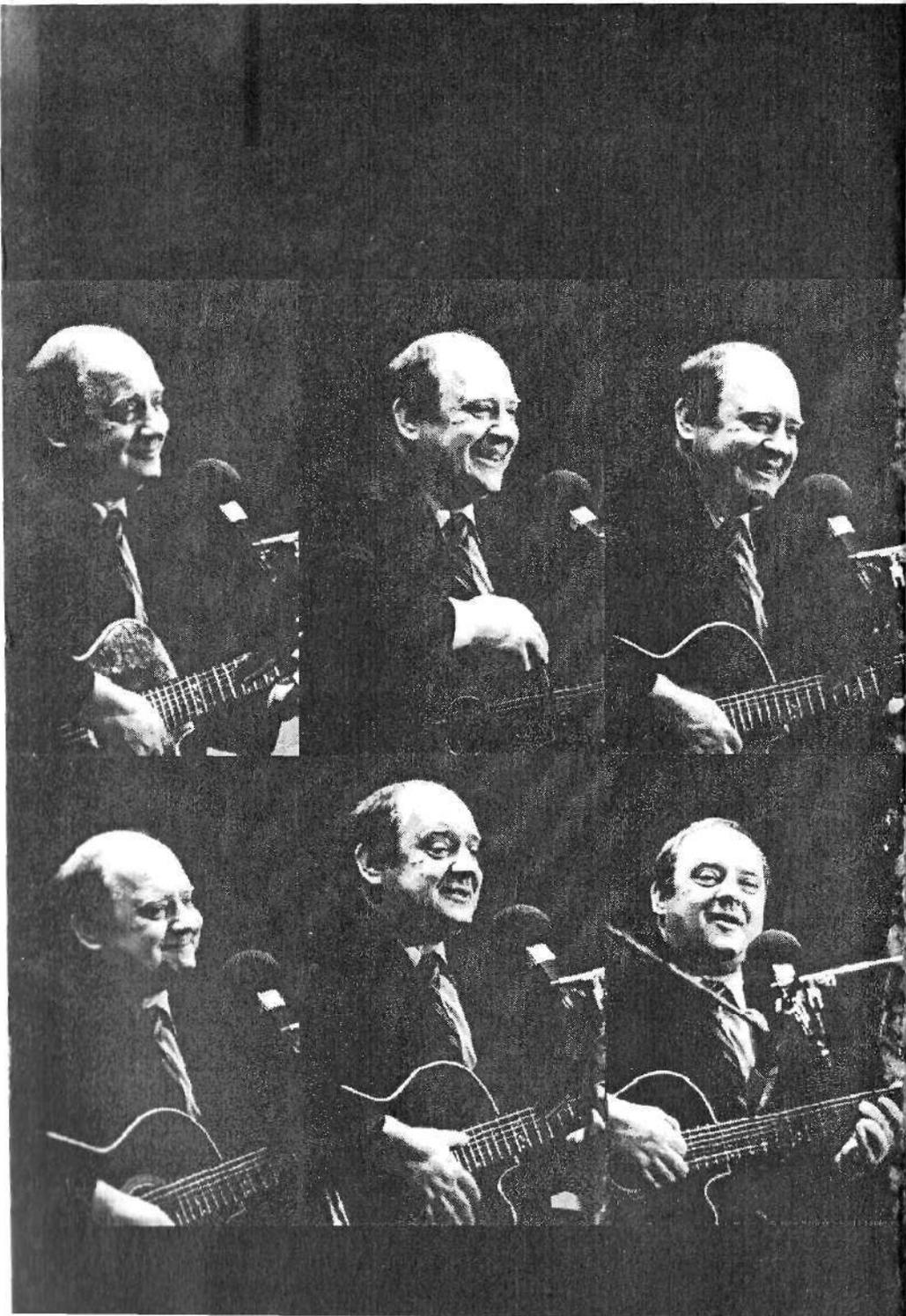
ГОД ВИЗБОРА

Тамбяна ВИЗБОР

**"ЗДРАВСТВУЙ,
ЗДРАВСТВУЙ,
Я ВЕРНУЛСЯ!.."**

Москва
1996

Ладонь отца

НА ПОЛНОМ СЕРЬЁЗЕ, или "ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ"

(Вместо предисловия)

Четырёхэтажное здание роддома два молодых человека покорили не без труда. Вход пошли все возможные средства: и альпинистское снаряжение, и имеющаяся рядом водосточная труба. А совершили они это восхождение с единственной целью: увидеть новорожденное дитя.

... Один из них был мой отец, другой - его товарищ Володя Красновский по кличке Мэп. И хотя я не присутствовала непосредственно при этом событии, могу себе представить ужас молодых матерей, когда в окно палаты на последнем этаже как бы между прочим заглянули два мужика. Однако моя мать быстро всех успокоила, сказав: "Не волнуйтесь, девочки, это мой пришёл". Затем, подойдя к окну, она с радостью сообщила мужу, что "девочка - чудо, красоты неопишуемой" и что нас, то есть младенцев, сейчас принесут на кормёжку. Последнее было сказано так, как если бы речь шла о прибытии коронованной особы. Ожидание оказалось недолгим. Когда кулёк со мною мама поднесла к окну, отец потерял равновесие и чуть было не упал с водосточной трубы...

Так поразившая его "красота" ребёнка действительно не поддавалась описанию: рот был от уха до уха, нос размером с рот, а волосы, по словам отца, цветом напоминали "кровь парижских коммунаров". Подумав "про себя", что в семье не без уродца, в полном молчании он спустился вниз, бережно поддерживаемый своим верным другом...

А произошло это 22 ноября 1958 года в Москве, на Ленинском проспекте, в только что открывшемся тогда роддоме N25. Кстати, добрая традиция была продолжена: по странному стечению обстоя-

OCR и вычитка Давид Титиевский
сентябрь 2009 г.

Библиотека Александра Белоусенко

© Т.Ю.Визбор, 1996
© ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1996

ательств, там же появилась на свет и моя дочь. И, как бы тоже кстати, добавлю, что мой сын родился в 6-ом роддоме, что на Миусской площади, из которого летним солнечным днём 1934 года моя бабушка вышла, держа на руках своего сына, то есть моего отца. Опять-таки "кстати" - о погоде: когда мне исполнилось 25 лет, отец довольно своеобразно поздравил меня (на улице в то время шёл дождь со снегом, было сыкотно и неуютно). "Татьяна, - сказал он, - день, в который ты родилась, был такой же г...ный, как и сегодня".

По-моему, я немного запуталась, но, согласитесь, не каждый день представляется счастливый случай рассказать что-нибудь о себе, а то всё о родителях и о родителях. Однако, с рожденьями вроде бы покончено.

Назвали меня Татьяной потому, как говорил отец, что ему очень нравилась песня "Татьяна, помнишь дни золотые". У матери своя версия: она считает, что своим именем я обязана сокурснице отца, за которой он когда-то ухаживал, Татьяне Шангин-Березовской. Так это или нет - не знаю, однако всем родственникам имя понравилось и предложенная кем-то "Вероника" конкуренции не составила. Впоследствии мои друзья говорили, что такое удачное сочетание имени и отчества - Татьяна Юрьевна - впервые было замечено А.С.Грибоедовым, который в своём бессмертном произведении "Горе от ума" писал: "Татьяне Юрьевне!" - "Я с нею не знаком". - "С Татьяной Юрьевой!!!" - "С ней век мы не встречались; слышал, что вздорная". На свою фамилию я впервые обратила внимание в школе и подошла к отцу с вопросом: "Почему у всех есть какие-нибудь прозвища, а меня и зовут и обзывают одинаково - "Визбор"? "Потому что, - ответил отец с гордостью, - "Визбор" - это не фамилия, это - кличка".

Сразу же после рождения началась суровая младенческая жизнь. Особенно доставалось мне во время гуляний. Родительская изобретательность была беспредельна: меня выносили из дому в корзинке, в рюкзаке, использовалась и другая домашнехозяйственная тара. Рассказывают даже, что несколько раз я находилась в прямом смысле в подвешенном состоянии: когда необходимо было отлучиться, отец, бывалый альпинист-разрядник, привязывал меня, завёрнутую в ватное одеяло, репинурами к подоконнику, открывал окно и уходил по делам. Мама до сих пор вспоминает об этом с ужасом, а я - ничего, спала себе спокойненько. Кстати, может благодаря этому в редакции радиостанции "Юность", где работал отец, скинулись, и у меня, наконец, появилась коляска.

Дома, на Неглинке, у нас всегда было полно народу. И я долгое время считала, что все люди живут компаниями, играют на гитарах, поют песни, которые сами и пишут, постоянно куда-то ездят,

называя это непонятным словом "командировка", по весне собираются в стаи и вьют гнёзда на природе: в лесах, в горах и так далее. И вообще родители - считала я - это большой коллектив людей, преимущественно единомышленников.

В два года меня отправили с детским садом на лето в Кубинку. Отец, будучи тогда инструктором по туризму, ходил с тургруппами по ближайшему Подмосковию. И вот команда человек в 25 оказалась недалеко от Кубинки. Решено было заодно навестить ребёнка. Когда этот коллектив в полном туристском обмундировании появился на участке, где мы тогда гуляли, воспитательница в замешательстве спросила, чьи это родители. Дети задумались, а я, как рассказывают, вышла вперёд, оглядела весь строй и, никого конкретно не выделив, сказала: "Это мои родители".

Даже когда пришла пора идти "первый раз в первый класс", в наличии имелся один родитель - отец, по чистой случайности оказавшийся в это время в Москве. Мама тогда была на другом конце страны и, как поётся в её же песне, "открывала побережье Камчатки". Соседи приготовили мне форму, папа купил цветы. Светало... Отец проснулся оттого, что его кто-то тряс. Открыв глаза, он увидел меня "при полном параде": в школьной форме, с бантами на голове, с портфелем в одной руке и гладиолусами - в другой. Было 4 часа утра...

В школе мне понравилось, хотя первый мой вопрос был приблизительно такой: "Когда каникулы?"

А дальше - ничего необычного, как у всех: многочисленные школы, общеобразовательные и музыкальные, спортивные секции, "драмкружок, кружок по фото, а мне ещё и петь охота". Об этом, и не только, постараюсь рассказать по ходу дела: в разговорах, письмах, дневниках...

А фраза из названия - это, естественно, шутка, и принадлежит она Ю.Е.Ряшенцеву, который 18 марта 1983 года был ведущим на вечере встречи выпускников МГПИ. Когда в ряду многих появилась на экране фотография мамы со мною на руках, он сказал: "А это одно из лучших произведений авторской песни". Хотелось бы, конечно, соответствовать, но...

... Я никогда не могла ответить на дурацкий вопрос взрослых: "Кого ты больше любишь, маму или папу?" Потому что воспринимала их всегда как единое целое и любила обоих. До сих пор так же воспринимаю и так же люблю...

Дед Юрия - Ионас Визбарас в ссылке, Рыбинск, после 1905 г.

Юра с мамой

В походе на байдарках

В пионерлагере от фабрики "Шерсть-сукно", 1952 г.

"Журналистика - моя единственная профессия. Сейчас я занимаюсь киножурналистикой, документальным кино. Это моя основная работа, которую я очень люблю. Получил пять премий за свои работы в документальном кинематографе. Три из них - международные. Сам не скажешь - никто ведь не узнает" (Юрий Иосифович Визбор, из публичного выступления).

Мне предложили написать статью об отце: о его телевизионных работах, о документальных картинах - он ведь считал себя в первую очередь кинодокументалистом, о чём я, к стыду своему, впервые узнала, прочитав журнал, известный только профессионалам - "Советская библиография" (кстати, интересно, а есть - другая?). От статьи я сразу же отказалась, сославшись на то, что об этом я ровным счётом ничего не знаю. Вот, ответили мне, и прекрасный повод, великий шанс узнать, наконец, что-нибудь об этом. Вот так я и решилась побеспокоить знакомых и не знакомых мне людей...

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ ГОРБАЧЁВ - режиссёр документального фильма "Вахта на Каме" (1973 год)

Борис Алексеевич ошарашил меня с порога:

- А ведь Юра из-за меня выговор получил партийный. Он тогда в Радиокomiteте работал. Я спел на радио его песню "Зато мы делаем ракеты", её записали втихаря, а там прошёл шмон, облава какая-то. Установили, что песня - его. Сейчас её поют открыто, а тогда это была такая крамола страшная. Я ему сказал, что это я пел, а он мне - ничего, никаких обид, ему, казалось, до лампочки было, он, может, гордился, что насолил им.

А по работе всё получилось просто. Я работал в "Экране" режиссёром, а он - сценаристом. И Хесин Борис Михайлович сказал как-то, что хорошо бы фильм про рабочий класс сделать, очень модно тогда было - про рабочий класс. А КАМАЗ - просто находка: стройка века, комсомол, молодёжное движение и прочее. И мы с Юрой поехали, он - написать сценарий, я - на осмотр. Долетели до Казани, там сели на "Метеор" и четыре часа, сидя

в капитанской каюте, смотрели, как бы пьяный в дрезину капитан не врезался в плавуны - это брёвна такие на реке. Встретили нас хорошо, просто все обожали. Снимали мы - как начинался КАМАЗ. Сейчас мне кажется, что это какая-то богадельня была: ни планов, ни чертежей, всё "на фу-фу" делалось.

- Вы это тогда понимали?

- Да нет, конечно, город был молодёжный, средний возраст - 23 года, всё весело, всё - на "ра", и мы были идеалисты глупые. А народ туда какой приезжал - комсомольцы, чистые такие, наивные. Потом героиня, которая у нас снималась, через год бросила всё и уехала, потому что там началось воровство, жульничество, в общем, как обычно.

Работать с твоим отцом было легко, хотя свои принципы, убеждения, своё видение он отстаивал твёрдо и очень жёстко. А вообще он был лёгкий человек, особенно в компании. Я вот вчера встречался с художником нашим. Вот, говорю, Саша, звонила Татьяна Визбор, хочет встретиться, а он мне: "Мы года за полтора до его смерти ходили в баню париться: я, Ромка Карцев, Миша Жванецкий и Юра. Ну Юра такой рассказчик невероятный, такие он нам байки загибал". Нам действительно досталось время тяжелое, давило оно на нас морально, и отдушиной, формой протеста у нас были сборы, разговоры, песни, мы уходили в мораль, терялись в философиях, потому что открыто состояться до конца никто из нас не мог. А реальная жизнь была бурная, всё время в разгоне, мы всё спешили, Юра всё время "летал" с места на место. Создавалось даже впечатление, что он был абсолютно независим, и талантлив он был во всём - в песнях, в фильмах, в журналистике, в друзьях, даже в родственниках. Он мне рассказывал, что родственники у вас в Прибалтике? Что, и все - Визбор?..

"Уважаемый Ю.Визбор, прочитав "Огонёк" января 1965 г., нашла статью о Вас. Очень хотелось бы узнать, может, мы - родня? Имела я брата Иозаса Визбараса (рожд. 1903 г., г.Лиепая Латвийской ССР). С 1918 года он жил в Москве. Мы переписывались. В 1933 году по неизвестной мне причине переписка прекратилась. У меня есть его фотография с женой Марией. Если Вам не трудно, сообщите мне, может, Вы - сын моего брата, может, я Вам тётя? Буду Вам очень благодарна за сообщение.

Антонина Щумаускене, Литовская ССР, город Каунас".

Справка.

"Дело по обвинению Визбора Иосифа Ивановича, 1903 года рождения, до ареста 14 января 1938 года - оперуполномоченного Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией Управления милиции в гор. Москве, пересмотрено Военным трибуналом Московского военного округа 14 августа 1958 года.

Постановление от 23 марта 1938 года в отношении Визбора И.И. отменено и дело о нём прекращено за отсутствием состава преступления. Визбор Иосиф Иванович реабилитирован посмертно".

Только в 1965 году моя литовская бабушка узнала, что её брат был расстрелян в марте тридцать восьмого. Прошло тридцать лет и, благодаря случайности, семейные связи были восстановлены, а мы, в свою очередь, узнали, что вся мужская часть семьи Визбарас была в разное время репрессирована, а уцелевшие остатки рода эмигрировали, увезя с собой за рубеж таланты, знания, энергию.

Дед отца, Ионас Визбарас, был известен как ветеран революции 1905 года. "Триумф революции зажгёт воинственность души молодого Визбараса. Он вступил в ряды борцов. Когда царь Николай подавил революцию, Визбарас был арестован и вместе с другими революционерами осуждён и сослан в Сибирь. Через два года он бежал оттуда в Америку" (Литовская газета "Теса", 18 мая 1963 года).

Родной брат Ионаса - архитектор Феликс Визбарас, эмигрировав, оставил по себе не один памятник в самом Каунасе - к примеру, Главный почтамт, руководителем строительства которого он был.

Ну что ж, для нашей страны потеря невелика, сколько уж потеряли! Дело привычное. А патриот-литовец, "борец за идею социализма" Ионас Визбарас умер в 1956 году в Америке, свято веря в необходимость "борьбы рабочего класса за светлое будущее" и, непонятно как, сохранив любовь к Родине, расстрелявшей его сына.

Так вот я, как смогла, и ответила на вопрос Бориса Алексеевича.

А Визборов больше нет, отец был последним в этом роду мужчиной...

"Всем лагерем смотрим "Семнадцать мгновений весны".

"Папа, ты уж там не очень свирепствуй..."

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ РЫБАКОВ - режиссёр документальных фильмов "Спуститься с Чегета", "Диалоги в Полоцке", "Приближение к небу", "Весна приходит с севера"

- Познакомились мы по-деловому, перед картиной "Спуститься с Чегета". История была с этой картиной... Юрий Иосифович очень любил повторять одну фразу. Я её запомнил, потому что Юра её повторял регулярно, он любил вообще всякие приключения, формулировки медные, отлитые. Так вот, такую формулировку "отлил" директор "Экрана" Хесин, впервые она прозвучала в конце обсуждения нашей картины: "Ну, режиссёра мы, конечно, уволим, а директор, товарищ Ашуров, видя, что в группе творится чёрт знает что, тоже решил запустить руку в государственный карман". Абсолютно дословно. Но это был уже итог. Суть заключалась в том, что фильм снят не по сценарию. Первый сценарий был о борьбе с горными лавинами. Там станция была от МГУ, которая занималась изучением лавин, руководил ею Михаил Плам. Вот мы как раз его собирались снимать, а всякие "органы" собирались его в это же время судить - кстати, как потом выяснилось, совершенно напрасно. Так вот, он, оказывается, был под следствием, а мы узнали об этом только когда приехали туда со съёмочной группой. Оттуда позвонили в Москву и предложили другой вариант картины. Сценарий был написан Юрой прямо в горах, по ходу дела. Он был о новичках-горнолыжниках. Устное согласие мы получили. Благодаря картине и я увлёкся горными лыжами и после сдачи фильма сразу же уехал в отпуск туда же, в горы. Приехав на студию, ощутил себя ну приблизительно негром в Америке: неестественно чёрный, загоревший. А у бледных людей к "чёрным" - явная неприязнь. И в первый же день было сказано, что состоится заседание у Хесина "по поводу ваших историй". Я, естественно, ничего не мог понять. Ну, а когда мы пришли, там сидел весь редакторский состав, творческие работники, верхушка. Видимо, была какая-то накрутка

сверху. Хесин получил по шее за то, что мы сняли "не тот" фильм. Сейчас, если посмотреть, фильм очень наивный, а в то время, на уровне всех серий "Летописи полувека", задачи у "Экрана" были сверхсерьёзные, глобальные. И мы со своим полуюмористическим фильмом никак не умещались в рамки студии.

На этом совещании картине были предъявлены следующие обвинения: фильм снят не по сценарию, на несвойственную нам тему. Одно дело - замечательные горные спасатели и учёные, борющиеся с лавинами, а другое дело - горные лыжи, буржуазный вид спорта. И вообще фильм смонтирован по-буржуазному. Я никак не мог понять, как можно смонтировать по-буржуазному?

После истории с "Чегетом" я ходил в "подвешенном" состоянии, работу никакую мне не давали. Потом снова встретил Визбора, и он предложил мне делать серию фильмов под названием "55-я параллель". "Пройти" через страну по этой параллели. Так мы сняли "Диалоги в Полоцке" и "Приближение к небу" - о Гагарине. Но первый фильм был не совсем мой, а второй - не совсем Юрин, как он сам об этом говорил... Получилось, на мой взгляд, не очень удачно.

Вот был у нас с ним один замысел, нереализованный, к сожалению. Вернее, это был его замысел, который очень меня согрел тогда.

Хотели мы сделать "частёвку", она в общем-то не столько документальная, скорее постановочная. Там два человека должны были действовать, маленькая девочка и крестьянин, который весь фильм косит траву у памятника. Я, честно говоря, сейчас не могу вспомнить, чем это всё меня привлекло, наверно поэтичностью. Помню, когда прочитал сценарий (он назывался "Воспоминания в сенокос"), сразу возникло решение фильма. Я уже мог прямо идти и снимать, каждый кадр отдельно. Редко такое бывает. Думаю, съёмка этого фильма, каким бы он ни получился, была бы счастьем, потому что это редкое совпадение и редкое состояние, когда в один момент понимаешь, что хочешь. Если бы тогда разрешили...

Мы не сняли тот фильм. Начальство было против: "Зачем нам нужно игровое кино?" Никого убедить не удалось. Любое начальство, даже самое умное - всё равно примитивно, просто в силу своей жизненной задачи.

А вообще весёлые были времена, хорошие. Вот вы спрашиваете про "Диалоги в Полоцке", а для меня "Диалоги" связаны с рок-оперой "Джизус Крайст - суперстар", потому что Юра привёз в Полоцк магнитофон с её записью, и мы все дружно переводили

её, даже съёмки на время забросили. А поскольку Юра лучше всех знал английский язык, это больше всего походило на уроки, которые он сам и проводил. Замечательно было. В жизни запоминается не основное течение событий - ну, Боже мой, кому сейчас нужны эти фильмы...

У всех, кто работал с Юрой - удачно или неудачно, ругались они или дружили, - у всех сохранилось от него... луч не луч, частичка какая-то... нет, это не объяснишь. Сам не знаю, но - осталось вот здесь, в душе, навсегда...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА (декабрь, 1972 год)

"Работали всю ночь в монтажной. В 9.00 поехали домой, проспал 17 минут, подняли. Опять поехал в студию. В 20 ч. сдали картину окончательно Мамедову и все опять остались работать. Я записывал диктора и приехал домой в 6 часов утра. Две ночи без сна".

Я привела эту запись потому, что она очень характерна для дневниковых записок отца. Обычный рабочий день...

"Привет, папка! Пишу тебе из пионерского лагеря. Всё в порядке. Вчера было открытие и концерт. Лагерь наш отремонтировали. Ввели новые порядки. Вместо дружины теперь будет Республика. Думаю, это интересней. Сегодня после полдника будет конкурс на лучшую эмблему, знамя, герб Республики. Мы готовимся. Пиши.

Тата. Июль, 1973 год. Рязанский р-н, п/л "Светлячок".

"Котёнок мой любимый! Привет тебе и всей твоей республике! (за исключением преступных элементов, если они у вас, как и во всякой уважающей себя республике, водятся).

Очень рад был получить от тебя письмо, спасибо, что не забываешь своего старика в берлоге.

Как только я тебя проводил, так моё начальство вроде бы этого момента и ждало, за углом стояло. В общем, сдал я за две недели три картины, а вообще-то сдают по картине в полугодие.

С Марком Захаровым дела у нас движутся неплохо. Марка назначили главным режиссёром Театра Ленинского комсомола, и начали мы с ним работу над следующей пьесой. Кстати, о Марке. Он недавно оставил на один день свою собаку Бимку, помнишь? Та, видно, решила, что её вывели погулять именно в

мою квартиру, отметила её во многих местах, да так обильно, что я просто не знал, что и думать. Но, слава богу, на другой день приехал Марк и я ему вручил ихнее сокровище.

С мамой твоей и с одним представителем татарского народа были мы как-то на дне рождения у Валерия Агриколянского. Сидели у него там умные работники библиотек и разговаривали про никому не известных писателей, поэтому мы втроём выпили своё и очень хорошо прошились по ночному воздуху. Макс неожиданно заявил, что будет тебя устраивать в наш пединститут. Все мы втроём стали дико спорить - будто поступать в институт кому-то из нас, а не тебе. Когда мы сообразили это, решено было - как ни странно! - спросить тебя. Может, ты в душе теплотехник или штурман дапней авиации? Кто тебя знает!

Побывал я за это время ещё на даче у Аркадия, где есть жуткий лес, просто Берендей, и набрали мы там столько грибов, что после еды могли только спать, да и то на спине, потому что на бок мешал живот повернуться. Правда. Очень тебя люблю, будь осторожна с огнём и поведением. Женихам отвечай отказом. Перебьются. Не балуй с водой. Соскученный твой отец.

P.S. Да, всех нас тут, в Москве, волнует вот какой вопрос: если у вас не пионерская Дружина, а Республика, то есть ли у вас президент Республики, премьер-министр, парламент и кабинет? Мы с Максом довольно долго обсуждали этот вопрос в состоянии лёгкого алкогольного опьянения".

"Здравствуйте, родители! А также родственники всех кровей и народов! Пап, из твоего письма я поняла, что в Москве вы не так уж и скучаете. Насчёт выбора профессии: в последнее время меня стал привлекать кружок "Умелые руки", я там с успехом работаю на токарном станке. Довольно интересно. Потом ещё делала и красила матрёшек и вазы - работы, кстати, уже выставлялись. А недавно мы в "Зарницу" играли, там я тоже отличилась, штаб охраняла. Так что по поводу педвуза не знаю, не знаю...

По поводу Республики. Демократического парламента у нас, к сожалению, нет, зато есть Центральный Совет со своими многочисленными членами и Председателем.

Всем лагерем смотрим "Семнадцать мгновений весны". Сейчас только и разговоров, что об этом фильме. Благодаря тому, что ты в нём сыграл Бормана, я получила огромную популярность среди солагерников. Одни ходят поздравляют, сама не пойму с чем, другие восхищаются, а третьи просто грозятся. Например,

6-ой отряд обещал побить меня, если ты там чего-нибудь не то сделаешь. Так что ты уж там не очень свирепствуй. Для меня это вопрос жизни и смерти.

Вчера смотрели шестую серию, я всё тебя высматривала. И вот, наконец, Копелян говорит: "Это была машина Бормана..." Лагерь затаил дыхание... И вдруг: "Мгновения, мгновения, мгновения..." - и титры пошли под песню. Такая досада! Жду сегодняшнюю серию.

Пока, твой кот-муркот".

Письма отца

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

СЕРГЕЙ АРАМОВИЧ ГРИГОРЯН - оператор документального фильма "Челюскинская эпопея"

Поиски оператора картины "Челюскинская эпопея" ещё раз доказали мне правоту банальной истины, что мир тесен. В картотеке "Экрана" его фамилия не была указана. И когда, наконец, с большим трудом, через Центральный архив Гостелерадио мне удалось получить его домашний телефон, я с удивлением обнаружила, что это телефон моей подруги, и что с таким трудом разыскиваемый оператор - её муж, хорошо мне знакомый Сергей Григорян.

Как истинный оператор, он начал нашу встречу с показа фотографий. На первом снимке несколько человек, очень тепло одетых, с масками на лицах, позировали перед объективом.

- Вот это - твой отец.

- *Вы здесь сами, как полярные исследователи.*

- Так минус 54 было... Это Магаданская бухта, - продолжал Сергей, - это ледокол "Владивосток".

Но я возвращаюсь к первому снимку:

- *А как вы оказались на льдине? В образ вживались?*

- Да нет. Вообще ситуация была потрясающая. Мы возвращались во Владивосток с Северного полюса, и вдруг ледокол останавливается. А мы в это время в сауне сидели с Юрой. Там была сауна и бассейн. Сидим, песни поём, пиво пьём. И вдруг по радио передают: группе Центрального телевидения в течение двадцати минут покинуть корабль. А ты можешь себе представить - с таким количеством вещей и аппаратурой высадиться, к тому же мы ещё в сауне паримся. Оказывается, "Владивосток" пошёл на помощь японским рыбакам: они тонули. А нас высадили, и мы, как настоящие челюскинцы, четыре часа на льдине ковали. Тут нам очень пригодились Юрины знания Севера, он тогда только что снялся в фильме "Красная палатка", поэтому к жизни на льдине ему было не привыкать. И вот мы под его гитару

пели песню смешную такую: "... парaponцы, понцы, по!" Бегали, прыгали, в общем-то не замёрзли. Потом за нами ледокол пришёл.

Сценарий был написан Юрой, он давно занимался Севером и очень интересовался челюскинцами. А идея была - пройти по тем местам, найти людей, поговорить с ними, и вообще оценить с теперешних понятий, нужна ли была эта эпопея? Ведь оказалось, что корабль не был подготовлен к таким переходам, ему вообще там нечего было делать. Многие говорили, что это самоубийство. Говорили даже, что это Сталин настоял пройти к Северному полюсу во что бы то ни стало, хоть на деревяшке. И как трагически всё кончилось, а представляется - героическим подвигом.

Три месяца мы провели на Севере, жили с Юрой в одной каюте - капитан её нам уступил. Когда выходили в чистые воды, в Тихий океан, уже месяц плыли, попали в шторм страшный, и ледокол, как Ванька-встанька, раскачивался. Вся группа у нас болела страшно, режиссёр вообще не вставал. А мы с Юрой удивительно прекрасно себя чувствовали, есть только хотелось постоянно. Так мы шторм сняли из иллюминатора.

- *Это его стихия была.*

- Да, я как сейчас помню: привяжемся к столбу (у нас столбики специальные сделаны были) и непрерывно жуём чеснок с чёрным хлебом. Или ещё помню - тоже шторм начался, а мы сидели в музыкальной комнате и Юра на пианино что-то наигрывал, и вдруг его кресло, на крючке привязанное к полу, сорвалось, и он, не доиграв, уехал на другой конец каюты. Вот в таких условиях работали.

- *Он тебе как оператору не мешал работать?*

- Если люди - профессионалы, то они друг другу не мешают. Разговаривать надо, но не о том, как снять. Как снять - это моё дело, обсуждать надо отношение к тому, что ты снимаешь. Картина, знаешь, складывалась непросто. Дело в том, что твой отец и режиссёр Сальников поругались, принципиальные были разногласия. Сальников - реалист, его научили по системе Станиславского соцреализму: вот микрофон у меня стоит - он стоять должен, если свечка горит - она гореть должна, если, скажем, человек умирает, то свечка обязательно должна потухнуть. А у Юры, как у нормального киношника, просто как у талантливого человека, какие-то не всегда реальные образы возникают, синонимы изобразительные, он всегда ищет своё отношение к событиям, а не просто хронику снимает. Так вот, на ледоколе они друг с другом разговаривать перестали. Юра даже от сценария хотел отказаться и улететь вообще, но тут шторм начался, он

остался. И момент тут был один удивительный. Юру пригласили в театральное училище во Владивостоке попеть песни, мы уже должны были ехать, и вдруг Юра говорит: "Ты знаешь, надо и Сальникова пригласить". Я обалдел: как так, два месяца не разговаривали... "А я, - говорит, - подумал, вдруг ему живётся плохо; вот он придумывает себе Северный полюс, а у него, может, с женой не всё хорошо, может, его жизнь - улететь и вечно снимать, вот ехать, ехать - и не дай бог возвратиться. И ещё у нас тут с ним отношения свои, а вдруг у него дома плохо".

Потом мне это, честно говоря, очень помогало. Ведь, в принципе, лучше оправдать, чем обвинить.

- *А как отец проявлял себя в экстремальных ситуациях?*

- В Певеке есть одна гора странная, и вот мы решили Певек снять с этой сопки на "длинной оптике". А холод страшный был, где-то 48 градусов, и дикий ветер. И вот мы пошли с Юрой на эту сопку. Юрка штатив взял (ассистент идти отказался), я - аппарат. Стали взбираться на эту гору - страшная история. Видишь, пальцы отморожены, - это там. Мы взбирались где-то час, падали, поднимались. А когда пришли наверх, то оказалось, что снимать невозможно: такой был ветер жуткий, что хоть аппарат и на тяжёлом штативе стоит, всё равно "ходит". Так вот, мы штатив воткнули, Юрка лёг к штативу, чтобы как-то удержать его в равновесии. Я, например, считаю, что экстремальная ситуация - это наша работа, то есть можно было, конечно, не подниматься и не снимать, но мы сняли, и несколько кадров вошло в картину, а бывает и по-другому.

У нас не было начала. Мы с Юрой Визбором придумали такой кадр: пассажирский самолёт разгоняется по бетонной полосе и улетает, но решили снять это совершенно по-другому. И вот на вертолёте дверь сняли и должны были вместе с самолётом синхронно взлететь. С седьмого подхода получилось, взлетели вместе с самолётом, сняли безмолвную пустыню Чукотки и то, как самолёт уходит в эти дали. Сколько было криков "ура!" - когда получилось. И вот вечером того же дня приходят люди и забирают весь материал, потому что, оказывается, в фильме по плитам на полосе можно узнать, какие самолёты взлетают и садятся. А это - страшная тайна. В общем, представляешь, неделю готовились, выдумывали, и красиво это было, и по смыслу подходило, и - ни кадра...

Последний раз я видел Юру на студии, в лифте. Был март. Он грозился опять что-то снимать про Север. А потом я узнал, что он безнадежно болен, мы говорили об этом с Мариной Гол-

довской, а потом с ней же и на похороны поехали. Я не верю тем людям, которые говорят, что испытали шок, потрясение, - это привилегия родных, а у друзей просто что-то внутри обрывается. Это же часть жизни...

Так мало остаётся людей, с которыми можно работать, Юриного таланта не хватает...

Из выступления Юрия Визбора в городе Пущино, 1977 год

Одна из самых интересных для меня лично работ, связанных с большими воспоминаниями, - участие в советско-итальянской картине под названием "Красная палатка". Фильм об экспедиции Нобиле в двадцать третьем году. Вы помните, что генерал Нобиле полетел на Северный полюс на дирижабле, скинул туда крест и знамя, освящённое папой римским, но на обратном пути отклонился от курса в связи с тем, что экспедиция была организована фашистской миланской газетой "Ля темпо", и он, исключительно, интересовался, чтобы открыть хотя бы маленький островок в неизведанном участке Северного Ледовитого океана, чтобы назвать его "Остров Муссолини" и тем самым оправдать морально свою экспедицию. Но на этом пути его подстерегла буря, дирижабль его разбился, они остались на льдине, и спасли их советские моряки на "Красине".

Мне там была предложена роль чеха: единственный иностранец в этой экспедиции был чех - профессор в то время, а в настоящее - академик Бигвонек. Он живёт и ныне в Праге. Я с ним переписывался. Кстати говоря, было очень интересно переписываться с человеком, которого ты изображаешь.

Фильм этот решено было сделать так называемым "копродукшен" - абсолютно полное совместное участие. Два директора - итальянский и советский, два оператора - итальянский и советский, рубли и лиры, и команда артистов. Ну, надо сказать, с ихней стороны были представлены неслабые силы! Роль генерала

"Красная палатка"

Нобиле играл артист Питер Финч, который снялся более чем в ста фильмах, очень опытный актёр, хороший человек, миллионер, симпатичный мужик с довольно интересной судьбой. Очень часто он любил рассказывать, что сбил за время войны четыре самолёта: два - совершенно точно - японских, один - неизвестной принадлежности, и один - английский. И его брат - герой битвы за Англию, весь в крестах - всегда говорит: "Как хорошо, Питер, что я никогда не пролетал над твоей пушкой, ты обязательно меня сбил бы". На роль Амундсена согласился Шон О'Коннери. Он играл Джеймсов Бондов в семи фильмах известных. Порвал, правда, с этим "бондизмом", отрёкся от него в печати. Это прекрасный актёр. Один из очень немногих актёров в мире, который заплатил гигантские деньги за то, чтобы быть первым в титрах любого фильма, в котором он снимается. Даже если он играет маленькую эпизодическую роль, он обязательно будет первым в титре - это престижно и очень важно.

Снималась в нашей картине также небезызвестная девушка Клаудия Кардинале, у нас её в группе звали просто Клашка - так, по-простому, по-домашнему. И ряд других иностранных артистов. Ну, и с нашей стороны были представлены Донатас Банионис, Никита Михалков, Отар Коберидзе, Юра Соломин - "Адьютант Его Превосходительства", Боря Хмельницкий - с "Таганки", Гай, Эдик Марцевич и я.

Мы все собрались на льду Финского залива, в доме отдыха кинематографистов "Репино", чтобы начать большую двухгодичную работу над этим киноевреем. Надо сказать, что в первый же день стала происходить смычка между советскими и иностранными актёрами, ведь так просто, с бухты-барухты не пойдёшь к камере и не начнёшь создавать духовные ценности, тут всё же надо познакомиться.

И вдруг советских артистов постигает невиданное сообщение о том, что весь фильм будет сниматься на английском языке. Это не вызвало никакой бодрости у наших артистов, потому что многие из них не только не знали английского языка, но и в своём-то родном не очень хорошо разбирались в различных склонениях.

В первый съёмочный день решено было снять такой эпизод. Разбился дирижабль, все уцелевшие подползают друг к другу, и итальянский механик Чечония, у которого сломана нога, должен был подползти к генералу Нобиле, обнять его за ноги и произнести одну фразу: "General, give me the pistol" ("Генерал, дайте мне пистолет") - потому что он считал, что положение ужасное и нужно стреляться. Отар Коберидзе играл Чечония. Отар Коберидзе получил эту фразу "General, give me the pistol" за четыре дня...

до начала съёмок. Ему на листе бумаги наш переводчик написал: "General, give me the pistol", а ниже написал, как это звучит по-русски. Отар не расставался с этой бумажкой ни при каких манёврах, непрерывно сверял текст, наконец через два дня он что-то там написал по-грузински.

Он невероятное проявил усердие в изучении этого текста - и вот наступил тот роковой день, первый съёмочный. Съехалась масса народа, прилетели люди из Штатов, из Франции, из Европы, из Японии, потому что всё-таки - международная картина. Разбили о штатив камеры бутылку шампанского, порепетировали, всё вроде хорошо. Наконец, Калатозов Михаил Константинович, ныне, к сожалению, покойный уже, режиссёр этой картины, даёт команду: "Мотор!" - и Отар Коберидзе - мужчина, если кто его помнит, невероятной физической силы, исключительно здоровый человек, красивый грузин,- выпучив свои налитые почему-то кровью прекрасные грузинские глаза, с невозможной силой обнял довольно тщедушного Финча, у которого, кажется, хрустнули его валютные ноги, и, выпучив глаза, дико закричал: "Женераль, гив ми сигарет!" Тут, говорят, сработала подкорка, потому что стреляли американские сигареты, а слово "пистол" забылось. Посмеялись. Нужно снимать снова дубль, но как только Отар переходил на французский язык, говоря "женераль", артисты теряли серьёз, уклонялись от работы по тем или иным причинам.

В общем, с двадцать первого раза в тот день пытались снять этот крохотный эпизодик. Но так серьёза никто и не приобрёл, хотя предпринимались исключительно мощные попытки: ходили обедать, выпивали, уходили в разные стороны приобретать этот серьёз. Потом пытались снять этот эпизод через неделю. Тоже ничего не сняли. И сняли потом его уже монтажно: Отара с чужими ногами - в одном месте, а Финча с его реакцией - совершенно в другом.

Надо сказать, что за время съёмок этой кинокартины, как это часто бывает, истрачено гораздо больше денег, чем на саму экспедицию Нобиле.

Одной из прекраснейших была поездка на Землю Франца-Иосифа. Наняты (зафрахтованы, говоря по-морскому) два корабля: дизель-электроход "Обь" - ветеран арктических экспедиций, и ледокол "Сибиряков", который играл роль ледокола "Красин", потому что старый ледокол "Красин" сам пошёл на ложки-вилки, а "Сибиряков" - более-менее его напоминал. И эти два корабля отправились вместе с артистами, со всем киноскарбом на Землю Франца-Иосифа. Надо сказать, что актёры, которые отправились туда, получили стереотипные, как выяснилось, задания от своих жён, матерей, сестёр, чтоб они привезли из Арктики не камушки,

не воспоминания, а медвежьи шкуры. Женщины считали, что шкуры там просто разложены по побережью и нужно просто не забыть, как говорится, нагнуться, поднять и привезти, чтобы потом украсить квартиру. Когда мы пришли на эти острова, выяснилось, что никакие там шкуры не лежат, белый медведь - вымирающее животное, стрелять в него нельзя ни в коем случае, а если стрельнёшь и убьёшь, то штраф нужно заплатить тысячу рублей. Ни у кого с собой таких денег не было. Насчёт медведей, значит, пыл поостыл.

И вот однажды у острова Джонсона мы были прижаты большим ледяным полем: ни "Сибиряков", ни мы не могли никаким образом двигаться, несмотря на жуткие усилия, приложенные машинными отделениями. А надо сказать, что у господ артистов начинался в то время театральный сезон. У нас на борту был такой Григорий Иванович Гай, прекрасный актёр из Ленинграда, из товстоноговского театра. Он, когда ещё взошёл на борт "Оби" в Мурманске, сказал Калатозову: "Михал Константиныч, у меня второго сентября спектакль "Мещане", и если я не явлюсь, меня Товстоногов уволит". На что Калатозов ему ответил: "Грыша, о чём ты гаварышь, 15 числа мы отправим тебя, ещё в Сочи отдохнёшь перед сезоном". И вот как раз второго сентября мы сидим у острова Джонсона, в так называемом "музыкальном салоне". Название очень высокое, но на самом деле - небольшая комнатущечка. И динамик над головой висит, идёт трансляция "Последних известий" из Москвы, и диктор так очень мягко говорит: "Сегодня спектаклем "Мещане" открылся сезон..." И Гриша Гай заплакал, встал и громко сказал: "Остановите пароход, я сойду!!!"

Это очень грустная шутка, потому что мы и так стояли. Шли разговоры, что обколоть нас некому, и что мы здесь простоим до декабря. Настроение было очень печальное у всех, по этому поводу происходили различные творческие, я бы сказал, исключительно-сильно-творческие встречи. После одной из таких встреч, в районе пяти часов утра, я поднялся наверх покурить на свежем воздухе. Туман, очень светло - и вдруг смотрю, прямо подо мной стоит полуторогодовалый, килограмм на пятьсот, медведь, и смотрит на меня, а я смотрю на него. Вижу: трап у нас лежит на льду. Думаю, не дай бог, скотина, залезет на корабль, неприятности будут. Я, значит, пошёл "подбирать" этот трап, поднял его на метр и быстро-быстро побежал вниз и ребятам говорю: "Медведь". Кто мог стоять на ногах, те побежали на верхнюю палубу и стали с этим медведем всячески забавляться. Кто там ему носики показывает, бутылку чешского пива на верёвке спустили. Выбежал на эти крики и артист Никита Михалков,

он у нас тоже снимался, играл роль пилота Чухновского. Мы стояли у кормы, с этим медведем беседовали, и вдруг видим, что Никита спускается вниз по трапу, неся в руках открытую банку сгущённого молока. А медведь стоял к нему, как говорится, спиной. Никита прошёл метров двадцать и поставил банку на лёд. В это время медведь оглянулся. И, конечно, неравенство было большое, потому что медведь ведь гораздо трезвее, чем Михалков. Медведь совершил первый прыжок, около десяти метров. Ну, Никита тут, как спортсмен-разрядник, бросился быстрее собственного визга на трап, медведь - тоже, но когти у него соскользнули.

Так мы чуть было не потеряли своего верного товарища...

Но это оказался просто первый разведчик, потому что к утру этих медведей меж нашими кораблями гуляло 18 человек или шпук, смотря как их считать. Они пришли со знакомыми, со своими семьями, с детьми. У них, конечно, гульба, а у нас - план, нам снимать кинокартину нужно, создавать художественную ценность. Пытались их прогнать разными способами: корабли гудели, мы свистели, стреляли из ракетниц. Говорят, что зверь боится огня. Ерунда всё это, ничего они не боятся. Они у себя дома живут, это мы - в гостях. Единственное, чего медведи боялись, так это нашего вертолёта.

С нами работал на "Оби" прекрасный пилот, заслуженный лётчик-испытатель РСФСР, Герой Советского Союза Василий Петрович Калашенко, единственный из вертолётчиков, который согласился с нами работать, потому что площадка на "Оби" сварена маленькая для вертолёта - 16 на 22, а МИ-4 требуется 50 на 50. Он поднимал свой вертолёт и, низко летя, этих медведей куда-то загонял в тьмутаракань, в туман этого острова. А последним бежал "парень", который всё время пытался по баллону ударить лапой. Как только медведей отгонят, так в большом темпе на льду оказываются артисты в гриме, осветители, операторы, режиссура - очень быстро идёт работа. Рядом стоит на торосе ассистент наш Артур, который иногда меланхолично объявляет в мегафон: "Группа медведей - 150 метров". Это как-то исключительно подбадривало и работа шла без всяких задержек.

Но всё-таки нам повезло, ветер сменился, ледяное поле от нас отогнал, мы вышли на чистую воду и снова стали продолжать работу.

И вот не будь после этого суеверным, если в последний съёмочный день снимается финальный кадр картины - 13-го числа, в понедельник. Мы все спускаемся на лёд. На льду такую сцену нужно снять: зимовщики почти умирают, лежат и вдрут

видят - на горизонте - идёт советский ледокол "Красин". Всё хорошо. Быстрый дрейф, льдины трутся друг о друга, картина внушительная. И тут происходит раскол льдины - впечатление довольно любопытное. Звук - как будто разрывают старое полотно, даже не полотно, а холст, на котором нарисованы в двадцать первом году два лебедя на фоне замка под луной. Довольно резкий звук. Причем раскол происходит под Юрой Соломиным, который в это время спит. Он спит на медвежьей шкуре после очередной "творческой встречи", и когда у него ноги свесились в пропасть, то он, не проснувшись, как собака их просто подтянул к себе и продолжал спать. Это был единственный человек, который не обратил внимания на происшествие.

Но смешное ещё заключалось в том, что, когда происходит раскол, каждый осколок приобретает свой центр тяжести, и очень часто при этом льдины переворачиваются. Ну, к счастью, с нами рядом стояли два корабля, на которых тут же сыграли шлюпочную тревогу. И буквально через семьдесят минут первая шлюпка, с божьей помощью, была спущена. Причём, я служил в рядах Советской Армии, вообще прошёл большую школу жизни, но таких выражений, которые употреблялись при спуске шлюпок, не слышал отродясь.

Мы все перебрались на борт нашего корабля и поклялись больше никогда не спускаться на лёд, но, конечно, не сдержали этого обещания, потому что уходило время, нам нужно было уплывать, а в тот же день мы должны были снять один план. Была на льду сделана декорация несколько дней назад, но она отдрейфовала от нас мили на три. Нас на вертолёте перекинули на эту декорацию, а потом вертолёт полетел за операторами. И когда мы на этой декорации остались, пришёл большой снежный заряд, началась метель, и мы остались одни в тех условиях, в которых жили нобилевцы настоящие. Сначала стали шугить, говорили про то да сё. Потом стали скучать. Час прошёл. Снег валит. Мы неизвестно куда плывём. Корабля нашего не видно. Никого нет. Юра Соломин разыскал ириску в кармане своего костюма, но потом все стали глядеть на меня и намёки делать, что в английском флоте, дескать, съедают самого толстого первым... В общем, так веселились мы четыре часа на этой льдине, потом чуть развиднелось, прилетел вертолёт, забрал нас. Ничего не сняли.

В фильме "Красная палатка" была снята такая сцена. На льдине сидят зимовщики, прилетел самолёт, не увидел их в тумане и улетел. Они слышали его гул, поняли, что их ищут и не нашли, настроение у них очень плохое, и по режиссёрской мысли они должны были спеть что-то такое, что находилось в полном кон-

трасте с их настроением, какую-то весёлую песню. Так как они все были итальянцы, была выбрана итальянская песня. Потом, будучи в Италии, я однажды - надо сказать, в общественном месте - решил продемонстрировать, что не только большой лингвист-полиглот, но ещё и кое-что знаю из итальянского фольклора. Только я спел первую музыкальную фразу, даже без всяких слов, как люди вокруг меня встали все и сразу отодвинулись. Только впоследствии я выяснил, что в нашем фольклоре, включая "Гоп со смыком", даже нет аналога такого содержания, которое заключено итальянцами в эту песню. Просто близко ничего не лежало. Я на эту, значит, музыку написал слова про нашу киностёмочную группу. Такая небольшая шуточная песня. Там есть два иностранных слова, я их переведу. Первое слово "парапонцы-понцы-по" не переводится по-русски никак, вроде "три-та-ту". А вторые слова - "Дама ля ме бьендина, даме ля ме бьен да" означают: "Давай-ка ещё раз, блондинка, давай-ка ещё раз". Очень простой перевод...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА (январь, 1974 год)

"Очень хорошая премьера "Автограда" была. Актёры обнаглели, поднабрались нахальства - хорошо. Грузинский генерал сказал: "У меня есть три замечания по вашей пьесе:

1. Ну, 150 градусов пар в бане - веник ни в коем случае: медленноходишь в пар, не делаешь резких движений, потеешь две минуты и тихо выходишь.

2. У вас над двигателем висит огнетушитель УЗМ-14. Такой мотора не погасит. Он может погасить маленький пожар, но не мотор - это я говорю как инженер.

3. Самое категорическое возражение. Слушайте - это просто неприлично. У вас два крупных руководителя пьют коньяк из гранёных стаканов. Чему вы, понимаете, учите народ, какой культуре? Это неправильно, надо стаканы сменить на тонкие".

Смотрел по ТВ все синхроны по картине "Челюскинцы".

Март, 1974 год.

"Работал 12 часов в монтажной. Сплю с димедролом.

Работал 13 часов в монтажной.

Смотрел "Тиль". Очень интересно. На худсовете в театре выступил в защиту "Тили". Работал целый день над текстом к "Челюскинцам". Из-за этой картины потерял в этом году горы! Проклятый день, когда я согласился! Ни нервов, ни времени уже не вернёшь. Танюшка ещё уезжает сегодня в Севастополь. Поехал её провожать на Курский вокзал. Танюшка ужасно нерв-

ничала, шарики на нитках, ничего не видит - это ужасное у неё качество: в минуту возбуждения она теряет способность реально и холодно оценивать происходящее. Мне показалось, что её кто-то провожал.

Сдавали картину, немой вариант, был худсовет. Картину не приняли, кто-то сказал, что это "материал". Защищали Зеликин и Дмитриев.

Целый день не выходил из дома, переделывал текст к "Челюскинцам". Позвонил Марк, предложил написать пьесе о войне и комсомоле".

Июль 1974 года.

"Челюскин" получил приз и кубок на фестивале "Человек и море" в Калининграде. Вылетел в Ленинград утром, был в двух группах: на Ленфильме пробовался на царя Александра I, и в "Дневнике директора школы". Читал письмо, полученное от Танюшки. Девчонка - загляденье. Так похожа на Адку - ирония судьбы!"

"Мой дорогой папуленька, здравствуй! Все вожатые в лагере новые, поэтому нет уже нашей Республики. Нас с Галкой выбрали в члены Совета Дружины. Она - председатель, а я - ответственная за культмассовый сектор. Работы по горло, поэтому почерк такой безобразный. У нас сейчас проходит "Зарница". В лагере объявили военное положение. Везде расставили посты, никуда не пускают, даже по нужде. Мы с Галкой - военные юнкоры. Бегаем по лагерю, обвешанные ручками, блокнотами, фотоаппаратами и другими корреспондентскими принадлежностями, и пристаём ко всем с дурацкими вопросами. Это у меня наследственное?"

Вечером был конкурс агитбригад, мы с Галиной написали и прочли одно произведение, так что если я окажусь в Москве несколько раньше, чем ты предполагал, не удивляйся. А пока мы бегаем по тёмному лесу и ловим бесконечный вражеский десант, который на нас почему-то постоянно сбрасывают. Ну всё, десант в очередной раз пойман, и мне пора спать. Высокое звание члена Совета Дружины обязывает отдохнуть. Мне завтра линейку проводить, а я то забываю салют отдать, то руку не ту поднимаю... Целую всех подряд.

Твой любимый зверь".

"Дорогой мой и родной зверёнок! Очень о тебе хорошие слухи доходят в Москву, особенно о том, какие частушки вы с Галей сочинили на начальника лагеря, и что он теперь за это сделает с вами обеими и вообще со всеми пионерами-комсо-

мольцами-харцерами. Сердце моё - как известно, единственное в своём роде и исключительно отцовское - страшно гордится такой исключительной и единственной в своём роде дочерью.

Сам я работаю как дикий зверь. 22-го числа, может быть, в программе посмотришь - моя картина стоит, кажется в 18.20 по первой программе, называется "Помнит "Дунай". Это о Румынии. Сейчас заканчиваю её, много, как никогда, работы - и в выходные, и в будни по 12 часов в монтажной. Вот и все успехи.

Бабушка выступала по телеку. Очень хорошо у неё вышло. Предупредила советский народ, чтобы он перед едой обязательно мыл руки. Кстати, это касается и некоторых участников худ. самодеятельности п/л "Светлячок". Я был у неё на следующий день после выступления - ни о чём не могли мы говорить, только о ТВ, и беседа наша текла, как беседа двух телезвёзд. Гордись такой единственной в своём роде бабушкой! Целую тебя тыщу, тысячу... тыс... совсем с такими детьми русский язык забудешь! Пиши, буду почтальёна выглядывать.

Твой талантливый".

"Дорогая и любимая дочь моя. Ты становишься взрослой. Иногда я с грустью смотрю на тебя, ведь чем старше становишься ты, тем старше становлюсь я. Ты поймёшь это, когда сама станешь "родителем". Однако я желаю тебе, чтобы ты быстрее росла не только и не столько вверх, сколько "вглубь", умнела, добрела, взрослела. Я уверен, что впереди у тебя счастливая, радостная жизнь. Будь достойна того времени, которое встретит тебя.

Папа".

ИЗ ДНЕВНИКА Ю.ВИЗБОРА (Ноябрь, 1974 год)

"Господи! Утро радостное, чистое, счастливое, солнечное. Рынок полон красок и соблазнов. 10 лет назад в это время был я нищ, печален, любим. Был дождь, и у меня не было "болоньи". За 10 лет выросла дочь, родилась вторая. Написаны книги, приобретена профессия, видены большие горы и страны, а я всё так же нищ, печален, разве что любим лучше..."

ВСТРЕЧА ЧЕТВЁРТАЯ

ГЕРМАН ЭММАНУИЛОВИЧ ФРАДКИН - документальный фильм "Доктор" (1976 год)

Герман Эммануилович Фрадкин, казалось, совершенно неуловим. В старой записной отцовской книжке я обнаружила страницу с его телефонами - как домашними, так и рабочими. И каждый раз на вопрос "А как бы мне найти Германа Эммануиловича?" - получала от его знакомых, родственников или сослуживцев приблизительно один и тот же ответ: "Он только что был здесь", "Минуты две, как вышел", "Постойте, сейчас поищем". Но все поиски были напрасны. Фрадкин ускользал. Как заядлый охотник, продолжая идти по следу, я решила поймать его на студии. Но тут выяснилось, что пока я искала его в других местах, он "только-только" уволился из "Экрана". Отчаявшись вконец, я вдруг узнала, что он живёт в соседнем от меня доме.

- Сценарии у Юры были замечательные, интересные всегда, кроме тех случаев, когда его вынуждали делать официоз. Юра узнал, что я занимаюсь детским кино и предложил мне делать картину о хирурге Долецком Станиславе Яковлевиче. Надо сказать, что Станислав Яковлевич очень нежно к Юре относился, что, конечно, отразилось и на картине. Мы попались немножко в больницу, пожили там, потом Юра начал писать сценарий. Делал он это высокопрофессионально, чётко. Всегда было понятно, чего он хочет. Он молодчина в этом смысле. Картину мы сняли, сложена она была удачно. И тут Юра сказал, что хочет сам читать дикторский текст. Я возражал. Тогда он произнёс одну смешную фразу, которая меня вначале немножко задела. Он сказал: "Сынок! Ну я-то знаю, кто должен читать дикторский текст". А когда картина была сделана, я понял, что он был прав.

Многих задевало его несколько менторское отношение, но это была не черта характера, а некая самозащита. Для того, чтобы никто не мог обидеть. У него была такая чуть нагловатая

и отеческая манера общаться. При этом это был глубоко ранимый человек, и вероятно поэтому придумал маску - щит, вернее. Это защита, придуманная умным человеком.

Картину мы сдавали хорошо. Были, правда, некоторые купюры. Валентине Муразовой, зав. отделом, например, не понравилась несколько резкая постановка вопроса в последнем интервью, где Станислав Яковлевич слегка чего-то критикнул. На фоне того, что сейчас происходит, это было бы просто детской шалостью. Ну а тогда вымаралось немедленно. Мы знали, что существует такой приём, придуманный Андреем Тарковским - "собачка". Вот это было как раз той самой "собачкой". Мы знали, что это не пройдёт, зато всё остальное осталось нетронутым.

Мы делаем картину и считаем, что наши функции на сем заканчиваются, хотя это не совсем верно: как говорят, "без публицити нет просперити". Никто не знал - ни Юра, ни я, - что картина поехала на Международный кинофестиваль Красного Креста в Варну.

Когда фестиваль закончился, разыскала меня на студии Белянчикова, говорит:

- Извините, вы - Фрадкин?

- Да.

- А где можно Юру Визбора найти, мне с обоими хотелось бы поговорить.

- Юры сейчас нет в Москве, а что случилось?

- Я вас поздравляю. Вы знаете, ваша картина в Варне получила Гран-при, он находится у Хесина.

Ну, нормально, Хесин собирал все призы, потому что считалось, что мы никакого отношения к этому не имеем: снимаем на государственной аппаратуре, используем государственную плёнку, а сами - мелочь какая-то.

Я пошёл к Хесину, говорю: "Борис Михалыч, дайте мне приз на один день. Я Юре покажу и маме". Он мне дал медаль такую здоровенную. Тут же я её понёс в цех, мне сделали копию коробочки и медали. Копию я вернул Борис Михалычу, а оригинал забрал себе. Они ничем не отличаются. До сих пор медаль эта лежит на стенде в "Экране" на шестом этаже.

Вот так, трогательно и мило, без всяких проталкиваний, наша картина получила самую высокую награду на этом, далеко не престижном, провинциальном фестивале. После чего у нас считалось, что раз фильм один раз "съездил", его никуда больше посылать не надо. Там же очередь живая за медалями, всем же хочется какую-то медаль.

Таня, а Вы меня не помните? Это ведь я Вас тогда 19 сентября возил на кладбище, когда Юру хоронили... Ситуация была ужасная, похороны унизительны. Это было прямое надругательство. Студия просила, чтобы мы смогли попрощаться с ним по-человечески, в ГДРЗ на Качалова. Отказал Лапин часов за шесть-восемь до панихиды, в последний момент. Тогда Лев Николаевич Марков, главврач спортивного диспансера N 1, Юрин друг, предложил устроить панихиду в зале диспансера. И тоже отказали, и знаете кто - чуть ли не первый секретарь Ждановского райкома партии...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"27 сентября 1972 года. 14.00. Москворецкий райком партии.

Завалили на райкоме. Мужчина с дырчатым лицом, похожий на Толубеева, и комсомолец, похожий на артиста Кузнецова. Один человек, видно, хотел помочь, задавал лёгкие вопросы. Кадровик после всего этого сказал: "Ничего, не огорчайтесь, не переживайте - и не такое бывает". Ёркина тоже завалили, спросили, о чём говорил Косыгин с иракским послом. Тот ответил: "Я такие мелкие сообщения не читаю".

- ... Так вот, мне в то утро Серёжа Толкачёв позвонил. "Гера, - говорит, - машина ходит?" И я вас с Максимом Кусургашевым взял со Щербаковки. Мы поехали в больницу N 15, там было шесть-семь машин и самые близкие, родные. Этот морг, где Юра лежал, комнатуха какая-то. Эти двадцать растерянных человек, космонавт Рюмин, бешеный совершенно от того, что произошло. Ведь народ-то обманули дважды. Всем сказали, что панихида будет в спортивном диспансере, туда очень много народу пришло, а их погрузили на автобусы и на кладбище повезли. Причём не пустили кавалькаду автобусов через город, а какими-то просёлками ехали, по окружной дороге. А на кладбище полно милиционеров было, все с рациями, и смотрели на нас - как будто мы Даниэль или Синявский. И я помню, когда кто-то хотел выступить ещё на кладбище, один их "этих", как они там называются, заорал: "Давайте, давайте быстрее, надо кончать митинг!" Я своими ушами это слышал. Стоял недалеко от трибуны. Потом народ сквозь этот милицейский кордон прогнали назад.

- *Рассказывают, что на кладбище с утра ходили милиционеры и говорили всем, что похорон Визбора не будет, что его уже похоронили, и что вообще это не то кладбище...*

- Вы знаете, а я сейчас не это вспоминаю. В последние годы Юра часто снимал дачу у моего друга Володи Татарашвили. Я сам вырос в Переделкино. Каждый раз, когда мы приезжали с Володей, надо было проходить мимо небольшого домика, в котором жил Юра. И каждый раз на терраске сидел он и работал. Рядом стоял громко вещавший приёмник, вероятно отвлекая его от остальных шумов, а он сидел и печатал на машинке. Только трубку вынет: "Здорово" - и опять ды-ды-ды. И никакой реакции на призывы "Юра, пошли, посидим". Работал, как проклятый. А я ему всегда говорил: "Всех денег не заработаешь". На что он всегда отвечал: "Не в этом дело, старик". Ему постоянно нужно было быть занятым, он всегда очень себя загружал, ему необходимо было работать, он жил этим.

"Милый мой зверь! Так я ни разу и не дождался от тебя какой-нибудь записочки, хотя ты и обещала писать. Но я своим старым умом соображаю, что ты занята ужасно важными делами - едой, сном, гульбой и общественной работой, и тебе, конечно, не до таких мелочей, как письмо старому медведю.

Я поселился на даче, где мы с твоей лёгкой руки соорудили стол для пинг-понга, у этого стола теперь происходят исключительно жаркие схватки, как на спортивной, так и на неспортивной почве. А я учусь играть в эту игру и понял, что она состоит в основном из нагибаний за упавшим шариком. Это сильно, конечно, укрепляет здоровье. Также могу тебе доложить, что в нашем лесу был три дня просто областной фестиваль грибов. Находили мы по четыре огромных белых, которые стояли рядом, будто на совещании.

Картины, над которыми я работал, успешно сдал. Звонил Максим как-то и спрашивал, где ты и жива ли. Я его утешил. Приезжай скорей, мы все тебя ждём. Поедем сразу же на дачу. По крайней мере, там ты сможешь отдохнуть от напряженного пионерского отдыха, учитывая пинг-понг, грибы, магнитофон и чтение. Напиши мне, если грамотная.

Отец".

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Майский поход. Уфа. Выгрузились у р.Волосты. Посидели у костра, ночью холодно, иней на лодках.

День, полный приключений. Волоста оказалась речкой быстрой, со многими порогами и камнями. Пропоролась все. Я получил на своей лодке две пробоины, пропоролся очень основательно. Вдобавок ко всему выяснил, что она почти не управ-

ляется. Выгрузил Таню на берег. Толя Левин перевернулся с детьми. Сушились, клеились. Аркадий выбрал ночёвку, как только "впал" в Уфу. За день прошли фактически 7 км. 7 из 130. Неплохо. Утром буквально побежали. В лодке Таня и Дима Левин".

В байдарочном походе на Угре мы были несколько раз. Димку Левина отдали нам в лодку, на выручку, решив, что ему это не помешает, потому что, по общему мнению, отец воспитывал своих и чужих детей в лучших традициях древней Спарты. Он посадил нас в байдарку на вёсла и, набив трубку табаком "Нептун", сел управлять рулём. Погода была прекрасная - как говорится, "высший полёт". Отец напевал ужасно смешившую всех байдарочных детей песню "Чирикают птички-канашки, автомат изрыгает ситро" и в перерывах покрикивал, помогая нам грести мудрым советом: "Греби! Табать!", "Школа дефективных! Кастрыольный звон!" - последний техницизм означает характерный звук на реке, когда, попадая не в такт, встречаются два металлических весла. Внешне отец изображал жуткую суровость, периодически предлагая всем желающим отдать своих детей к нему для воспитания бойцовских качеств. Мы же, давясь смехом, вяло пытались отстаивать свои права, на уровне восьмого класса чётко усвоив, что детский труд у нас запрещён...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"День ужасный. С утра дождь, а отступать нам некуда. Надо дойти до впадения Вори в Угру. Дети сначала скисли, а потом просто стали доходить. У Кати температура. Димка чуть не перевернул нашу лодку. Дождь перешёл в сплошной ливень. 1000 пиастров тому, кто обнаружит Ворю! Наконец добрались до неё и встали на ночь. Место диких боёв, всё изрыто окопами".

Война окончилась 30 лет назад, а на месте нашей ночёвки весь лес был усыпан касками, пулями, гильзами, попадались заржавевшие автоматы, даже один скелет, на котором была каска...

Вспоминив, что отец сыграл роль одного из главных фашистов в супербоевике (по тогдашним меркам), оголтелые дети, и я в том числе, стали гоняться за ним, требуя, чтобы он примерил немецкую каску и что-нибудь произнёс, желательно по-немецки. Отец, вызывая огонь на себя, надевал каску и говорил с акцентом: "Ми фас бутем немножко фешать!" После этого начиналась потасовка, в которой "наши" всегда побеждали. Игра могла продолжаться до бесконечности.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Встали на очень неудобное место. Всё на всех мокрое. Весь вечер стоял у костра и сушил Танюшины и свои вещи. Сам был мокрый до нитки".

Мы гребли до тех пор, пока это было возможно, преодолевая жуткий "мордотык" - так называемый встречный ветер, пока вода не начала заливать лодки. Взрослые с трудом разожгли костёр и, натаскав лапника, поставили одну палатку. Туда же кинули единственный не промокший насквозь спальник, чтобы хоть как-то разместить детей. Казалось, согреться было абсолютно невозможно. Тогда отец, как командор похода, достал НЗ - бутылку самогона, настоянного на дубовом листе и специально предназначенного для таких случаев, и, налив полный стакан, сказал легендарную фразу, вошедшую в летопись наших байдарочных походов: "Прошу подойти всех мужчин, женщин - кто хочет, и детей - кто может..."

В результате этой акции все дети через пять минут мертвецки спали в единственном спальнике, а к вечеру были совершенно здоровы.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Утром в 5.30 встали. С Толей Левиным были на воде в 7.30. Надо было успеть встретить машину. Очень хорошо прогребли 50 км. Встретили машину, подошли наши".

Как постоянный командор всех байдарочных пробегов, отец всегда сам тщательно выбирал маршрут для похода. Единственно что он не мог сделать, так это выбрать погоду. Поэтому он всегда любил повторять, что "матч состоится при любой погоде". Но в следующем году в планы командора вмешалось, в буквальном смысле, само небо.

Перед самым походом его вызвали в ЦУП для встречи по спутниковой связи с Валерием Рюминым, который в то время находился в космосе. Они довольно часто встречались таким образом. Поговорили о том, о сём, песни попели. Рюмин вскользь поинтересовался, что отец собирается делать на майские праздники. Тот ответил, что, как обычно, идёт с командой в поход, опять в Калужскую область на Угру. Валерий, как рассказывал отец, поглядел в иллюминатор и сказал: "Юра, на Угру не ходи, там облачность большая. Иди лучше в Калининскую область, погода будет". Благодаря прогнозам такого гидрометцентра мы попали на речку Медведица. И действительно, погода была потрясающая. Мы даже купались, хотя

до этого считалось, что открыть купальный сезон в начале мая можно только, не дай Бог, перевернувшись в лодке.

"Котёнок любимый! Отец твой находится в горах Кавказа, совершенно рядом с высшей точкой Европы. Какой - надо знать самой.

Здесь идут съёмки, и я играю роль тренера по горным лыжам. Как ты понимаешь, это называется "пустить козла в огород или медведя на Север". Как ты поживаешь? Что нового у вас в общезитии? Гоняешь ли собак? Напиши мне, зверь.

Кабардино-Балкарская (в отличие от Болгарской) АССР, Эльбрусский р-н, п/о Терскол, гост. "Иткол". Не спутай, кому. Солнце, напиши.

Папа".

Котики вы можете видеть. Как
новое у вас в общезитии?
Гоняешь ли собак?
Напиши мне, зверь.

Кабардино-Балкарская
(в отличие от Болгарской)
АССР, Эльбрусский р-н
п/о Терскол гост. "Иткол".

Автограф Ю. Визбора

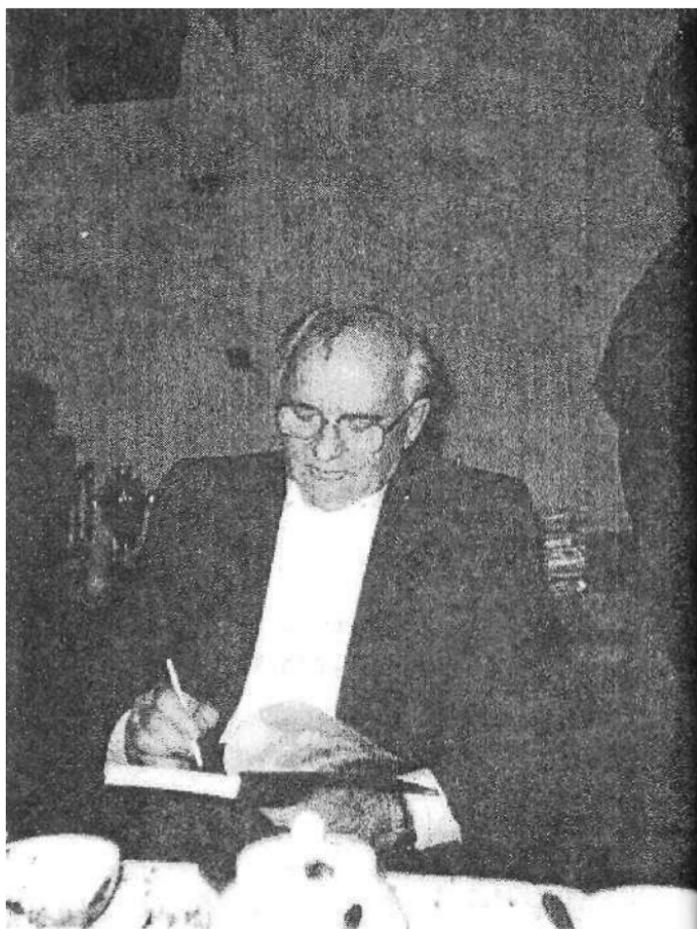
Юрий Визбор

Мамбуле
Визбор!
Вот Вам привет
Из души
с Юрой / Горбачев
Юрий / Визбор

ЮРИДИК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ.

"Татьяне Визбор!
Хочу Вам сказать,
что меня
связывала с Юрой
мужская дружба.

М. Горбачев"

Автограф берёт
Максим Кусургашев

ВСТРЕЧА ПЯТАЯ

СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ТОЛКАЧЁВ - режиссёр,
ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАВАДСКИЙ - оператор документального фильма "Хлеб лёгким не бывает"

С Сергеем Толкачёвым и Юрием Завадским мы были знакомы давно. Сначала они плотно работали с отцом, потом так же плотно - с Максимом Кусургаевым - журналистом, другом отца, а по совместительству - моим отчимом (как шутим мы с мамой - "отчем наш"). Так что с этой группой меня не надо было знакомить. Правда, "экрановские" люди всегда в работе - это была единственная сложность. Ну, рано или поздно, беседа наша состоялась.

- Сергей, вы с отцом познакомились на картине "Хлеб лёгким не бывает"?

- Нет. Это произошло гораздо раньше. В 1971 году я снял картину, спортивную, о Льве Яшине. Её очень долго принимали и, когда она должна была уже выходить, выяснилось, что у нас на картине нет диктора. Оставалось полдня, чтобы его записать, и мы стали метаться. И вдруг я смотрю - идёт Юра по коридору.

Я говорю:

- Юра, ты ведь спортом увлекаешься?

- Да, а что?

• А за кого ты болеешь?

- За "Динамо".

- Вот ты-то мне и нужен!

Правда, он был мужик принципиальный и всегда следил, что ли, за чистотой своего имени, в том смысле, что если он ставил свою подпись, то всегда смотрел, под чем. Поэтому он сказал: "Сергей, тем не менее я картину посмотрю". На моё счастье, она была тридцатиминутная. Он посмотрел и сказал: "Так. Мне всё понятно. Я даже текст читать не буду, я всё наговорю". И наговорил замечательно...

Вот тогда мы задумали с ним снять что-нибудь вместе. Прошло много лет, и только в 1978 году такой случай представился. В общем-то это получилось неожиданно. Первоначально "полным авторитетом" картины был Аполлон Петров. Тогда гремел по стране ипатовский метод, и картина была об этом. Мы начали снимать с оператором Юрой Завадским. И вот к моменту, когда было отснято где-то сорок процентов материала, автор наш "сло-мался": была дикая жара, а Аполлон уже тогда был человек не очень здоровый. А картину снимали полнометражную. Кстати, помог нам в этом тогда Михаил Сергеевич Горбачёв. Мы с нашей группой впервые были в его кабинете, всё ему объяснили. Он при нас звонил Лапину - тогдашнему председателю Комитета, и сказал: "Вы уж нас, ставропольчан, не обижайте, давайте делать большую картину". Благодаря этому дали нам полный метраж. В общем, представляешь: июль месяц, разгар уборочной, стоит дикая жара... мы остаёмся без автора... Приезжаем в Москву и обо всём этом докладываем. Задача у нас была очень сложная: найти не просто хорошего автора (сельская тема всегда сложна), а автора на полфильма. У Юрия Иосифовича была такая черта: если его что-то в теме "цепляло", он загорался, и тогда уже не интересовало, автор он на весь фильм или на половину. Именно такой человек был нам нужен. Он просмотрел весь отснятый материал и согласился.

Ю.ЗАВАДСКИЙ:

- Юра появился у нас на картине ещё и потому, что Аполлон Петров был "информационным" журналистом. Сценарий, который он написал, суховат, информативен. И нужен был автор - сценарист, который всё бы это литературно оформил. Так мы стали работать. Юра к нам приехал на съёмки из альплагеря "Узункол". Приехал в мрачном настроении, расстроенный: в горах какой-то трагический случай произошёл с его друзьями. "Ребята, - сказал, - мне надо немножечко прийти в себя"...

Утро 16 августа 1978 года. На альплагерь "Узункол" опустился сплошной туман. Как шутили тогда, "в раю было холодно, шёл снег, и дул ветер". На зарядке свою же вытянутую руку невозможно было разглядеть. Наша группа новичков должна была выходить на занятия в ущелье Мырды. Когда мы стояли на построении, мимо, казалось, не видя ничего перед собой, пробежал отец с перекошенным лицом в полном альпобмундировании. Я тогда ничего не поняла, а после мы узнали, что произошло несчастье... Группа из пяти человек,

участвовавшая в соревнованиях Центрального совета "Спартака"... Короче, Олег Коровник погиб, Ковуненко, Зыбин, Башкиров получили многочисленные ожоги разной степени, Капров - единственный не пострадавший. Ночью к ним в палатку залетела шаровая молния... Коровкин умер, даже не проснувшись (26 лет, женат, дочери 6 лет). Самое обидное, что всё было сделано по правилам, ошибки не было: они ночевали за 100 метров от гребня и все металлические вещи отнесли за пределы лагеря. На спасательные работы были брошены все разрядники, все значкисты, четыре новичка (остальных просто не пустили) и весь преподавательский состав лагеря. Первая группа ушла в восемь часов утра, как только всё выяснилось (ребята долго не могли связаться по рации с лагерем, что-то, как всегда, барахлило). Последняя - пришла в два часа ночи. Отец ассистировал доктору прямо на горе. Оставаясь в лагере, мы готовили палату для раненых. В три часа ночи лагерь ещё не спал, все курили, - и те, кто собирался бросать, и те, кто бросил двадцать лет назад, и те, кто вообще не курил. Вертолёт для раненых не достали: то ли метеоусловия не позволяли, то ли (что вероятнее всего) какой-нибудь "сердобольный" дядечка из начальства отказал. Не знаю. Только не нашлось вертолёт для людей, которые считались нетранспортабельными. Нашлись, правда, цинковые гробы. К ним привязали канаты, которые натянули, прикрепив к бортам грузовиков, чтобы днища гробов не касались кузова. Это была единственная возможность хоть как-то смягчить жуткую тряску по горным дорогам...

- ... В общем, дня через три Юра, насколько это было возможно, пришёл в себя, и мы отправились представлять его Михаилу Сергеевичу Горбачёву. Это было очень забавно. Юра остался в приёмной, а мы с Аполлоном вошли в кабинет, поздоровались, и тут Аполлон говорит: "Михаил Сергеевич, а вы знаете, где прячется Борман?" Я не помню точно, что он ответил, что-то вроде "не знаю и знать не хочу". "И напрасно, - ему тогда Аполлон говорит, - Борман скрывается на Ставрополье, и не где-нибудь, а в крайкоме партии". Михаил Сергеевич на меня посмотрел: "Юра, что он несёт?" Я отвечаю: "На этот раз вынужден согласиться с Аполлоном Михайловичем". Тут мы Юру из приёмной позвали и Аполлон говорит: "Вот, Михаил Сергеевич, познакомьтесь с Юрием Иосифовичем. Это наш известный песенник, мой соавтор по картине и актёр, сыгравший Бормана в "Семнадцати мгновениях весны". Горбачёв посмотрел на него и, подражая голосу Копеляна, произнёс: "Борман идёт по коридору". Все захохотали. Потом

приступили к разговору уже конкретно по поводу фильма. И в конце, я ещё помню, Юра обратился с просьбой. "Нельзя ли, - говорит, - попросить вас прекратить вырубку реликтового леса, этого же нельзя допускать". Михаил Сергеевич тут же подошёл к телефону, вызвал первого секретаря Карачаево-Черкесского обкома. "Слушай, - говорит, - у меня тут ребята сидят, один приехал из ваших мест и говорит, что там вырубаются реликтовые леса, я об этом в первый раз слышу, разберитесь там с этим делом". Он был так возмущён. "Юрий Иосифович, - говорит, - не волнуйтесь, всё будет нормально. Мы виновных накажем". Когда мы вышли после разговора, Юра мне сказал: "Знаешь, я многих видел секретарей обкомов, крайкомов, с Медуновым, например, приходилось встречаться - смотрит исподлобья, напыщенный, надутый как индюк. А Горбачёв прям как будто и не партаппаратчик. Образованный, коммуникабельный, симпатичный, с ним интересно поговорить".

С.ТОЛКАЧЕВ:

- И что ещё очень помогало в работе - то, что все знали Визбора как автора песен. Например, мы долго не могли подобрать ключа к Краеведческому музею, нам надо было там снимать. И вот однажды мы пришли туда, и Юра устроил такой импровизированный разговор. В результате собрались все сотрудники музея, часа три он с ними разговаривал. А потом директор к нам подошёл: "Вы, - говорит, - нам списочек составьте, что вам нужно". И нас везде пустили. Мы там даже сняли царские монеты, фотографии казаков тех времён, которые никому не давали, нам любые стенды открывали. Потом случай с академиком Никоновым. Это настоящий русский интеллигент, очень скромный человек. С ним было очень тяжело на съёмке, и вот Юра опять-таки завёл с ним разговор. Причём Александра Александровича интересовали, в основном, Юрины песни. Он их называл романсами: "Вот такой-то романс мне у вас очень нравится". Юра незаметно стал переводить разговор на тему нашего фильма, это очень тогда помогло, разговор состоялся.

Ю.ЗАВАДСКИЙ:

- А я помню, как после съёмки директор совхоза "Россия" Саша Дронов попросил Юру спеть. Моментально принесли откуда-то гитару, и Юра начал петь свои песни. Дронов просто плакал. Ну вот плакал человек - и всё тут.

С.ТОЛКАЧЕВ:

- Я хочу сказать ещё одну очень важную вещь. На мой взгляд - самую важную. Вначале у нас в группе был полный сумбур. Мы с Юрой Завадским снимали картину совершенно не по сценарию, и когда отсматривали материал, не могли понять, о чём же всё-таки мы снимаем фильм. И вот когда Юра приехал в Ставрополь, мы сняли лучшую беседу с Горбачёвым. Нам хотелось, чтобы разговор был человеческий, у нас это, на мой взгляд, получилось. А на следующий день рано утром мне звонит в номер Юра: "Приходите с Завадским ко мне. Есть разговор". Он нас собрал и говорит: "Ребята, я сегодня понял, как должна называться картина". Это значило, что найден драматургический ключ к материалу. "Картина должна называться "Хлеб лёгким не бывает". Ну, нечего говорить, что мы приняли название "на ура". И всё сразу встало на свои места, нам сразу стало понятно, что нужно снимать, чего у нас не хватает. Потом уже, когда мы сдавали фильм, это название шло как флаг, впереди. Я бы даже сказал, что эта фраза "хлеб лёгким не бывает" была в какой-то степени в характере Юры, потому что в общем-то она была песенная, лирическая и по сути своей очень точная. Я думаю, во многом благодаря этому названию картина состоялась.

А потом наш фильм положили на полку. Дело в том, что за день до сдачи мы узнали о назначении Михаила Сергеевича секретарём ЦК КПСС по сельскому хозяйству. И он был переведен в Москву. Как человек скромный, он сказал, что его в картине "очень много", и в нынешней ситуации показывать её неудобно. Поэтому наш фильм показали всего один раз по "Орбите", на Дальний Восток, чтобы нам с Юрой заплатили деньги, а картина легла на полку.

- *А поподробнее?*

Ю.ЗАВАДСКИЙ:

- Мы встретились с Горбачёвым уже в Москве (Юра был в Мурманске), чтобы спросить, как его теперь называть: секретарь крайкома или секретарь ЦК? Он ответил: "Ребята, называйте, кем был, когда вы снимали фильм". Потом ещё добавил, что хотел бы посмотреть его, когда он будет готов. Когда мы показали ему картину, он попросил сделать кое-какие поправки, в частности, чтобы его в картине не было вообще, чтобы фильм был о людях. Но мы его обманули, объединили два синхронных куска, и он у нас в картине целиком остался - это же главный "синхрон" в картине был.

С.ТОЛКАЧЕВ:

- Тань, вот интересная деталь ещё, тоже работает на характер отца, я её комментировать не буду. Если ты когда-нибудь напишешь, то чтобы - шишки на меня. Обычно Юра все свои тексты читал сам, его часто и на другие картины приглашали, и делал он это всегда очень хорошо. Но тут интересная вещь произошла на "Хлебе". У нас уже оставался один день, мы выходили на озвучание, тогда же Горбачёв стал себя "выкидывать" из фильма, и Юра вдруг мне говорит: "Сергей, ищи диктора". Я чуть не рухнул: где можно за два часа найти диктора? Он говорит: "Нет, если человек нам сказал, а мы его обманули, да я ещё полезу сам читать, то это будет вдвойне некрасиво". Вот так.

Ю.ЗАВАДСКИЙ:

- Второй раз мы показывали картину в просмотровом зале ЦК на Старой площади. Собралось человек сто, наверное. Пришёл и Горбачёв, а мы сзади сели. Он оглянулся и говорит: "А где ребята-то мои?" - и попросил, чтобы мы к нему пересели. Во время просмотра я видел, как он нервничал, наверное чувство ностальгии у него сработало, что ли. И после просмотра все, кто ни выступал, очень высоко оценивали картину - прямо, говорили, документально-художественный фильм получился. В конце к нам подошёл, поблагодарил, просил Юре Визбору спасибо передать, но сказал, что фильм этот не пойдёт. Мы: "Как? Почему?" Он ответил: "Мне кажется, вы переборщили, обо мне очень много сняли, а я вас просил этого не делать, это какое-то выпячивание получается, но, поскольку фильм уже готов, я попрошу Лапина показать его на Восток, чтобы вы за работу деньги получили". Потом ещё Суслов фильм смотрел на отдыхе в Крыму, он ему тоже очень понравился.

"Главному редактору Студии документальных телефильмов тов. Муразовой В.Н.

Докладная записка.

Уважаемая Валентина Николаевна!

В начале августа сего года по Вашей просьбе я занялся картиной "Ипатовский метод" (авт. А.Петров, реж. С.Толкачёв), которая, по мнению студии, находилась под угрозой срыва. Ознакомившись со сценарием и просмотрев весь отснятый к тому времени киноматериал, я пришёл к аналогичному выводу.

В Ставропольском крае, куда я дважды выезжал в командировки, мне пришлось выполнить большой объём сценарной

работы, а также провести съёмки различных эпизодов картины, включая две съёмки Первого секретаря крайкома КПСС тов. М.С.Горбачёва. Автор сценария А.Петров был прекрасно осведомлён о цели моего приезда и о причинах, побудивших студию оказать этой картине помощь. Будучи опытным тележурналистом малых форм, он никогда не сталкивался с вопросами киноматюргии больших картин. Помощь моя была исключительно дружеской - никаких договоров со студией я не заключал.

Когда картина была снята, с 5 октября с.г. мы вместе с режиссёром С.Толкачёвым приступили к её монтажу. В этой работе А.Петров не принимал никакого участия. Вместе с тем он стал распространять различные клеветнические измышления о причинах моего присутствия в этой картине. Пока это было на уровне сплетен, я считал возможным не обращать внимания и продолжать работу над этой важной для студии картиной. Однако вскоре дело приняло иной оборот, о чём свидетельствует телефонный звонок в студию сотрудника ЦК КПСС Е.С.Велтистова, который по просьбе А.Петрова стал разбирать это "Дело".

В связи с этим я считаю необходимым заявить Вам, что ни на каком авторском вознаграждении за проделанную работу не настаиваю. Однако продолжать работу над этой картиной не считаю возможным.

С уважением.

Редактор-сценарист Ю.Визбор.

3 ноября 1978г."

С.ТОЛКАЧЕВ:

- Прошло некоторое время. У меня на работе сложилась тяжёлая ситуация - честно говоря, не знал, за что браться. И вдруг подходит ко мне Юрий Иосифович. "Сергей, - говорит, - я сейчас буду запускаться, ты не хочешь со мной делать картину о Рюмине?" Я отвечаю: "Конечно, хочу!" А Рюмин тогда был, так сказать, звезда номер один среди космонавтов. Работать на этой картине было удивительно легко при всём тяжелейшем характере Рюмина. Он был настолько "цельная глыба", что с ним в контакт было войти очень тяжело, тем более за короткое время. Первый раз в жизни я работал на картине, которая сценарно была выписана просто абсолютно. Она была сделана под режиссёра и оператора, то есть бери сценарий, снимай картину и приноси материал. Продумана во всех мелочах - где, как и что снять. Когда мы впервые пришли к Рюмину, первое, что сказал Юра: "Вот, Валера, поздравь Сергея, он у нас орден "Дружбы народов"

получил" (это после Олимпиады было). Я сказал: "Что ж ты обо мне такое говоришь, когда у Рюмина - иконостас". Картину мы сняли очень быстро. Материал шёл блистательно, чисто по-киношному. У нас получилась полнометражка. Юра мне говорит: "Поскольку ты у нас теперь орденосеиц, пойдём к Хесину пробивать полный метраж". Но полного метража нам так и не дали, пообещали только, что дадут снять ещё одну картину о космосе. Когда мы сдали картину, Хесин вдруг подпрыгнул и убежал куда-то. Потом мы к нему в кабинет заходим, он говорит: "Значит, всё нормально. Я только что звонил Мамедову, ваша картина 1-го мая стоит в эфире". Со мной чуть не удар: уже апрель, а эфирной копии ещё нет. В общем, очень сложно было. Хесин сказал только, что это не его дело, а программа уже стоит в праздничном эфире. Короче, мы, как всегда, всё успели, нас все хвалили, Юра ещё туда песню написал, сам её спел - "Ведь притяжение звёздного пространства сильней, чем притяжение Земли", - народ плакал. 1-го мая эфир прошёл. Нас с Юрой вызывал на коллегияу Лапин, руки жал. И вот тогда же мы договорились с Юрой снимать потрясающую тему. Только сейчас вот я услышал от Тихомирова, что он тоже собирался это делать. Так вот, Юра мне сказал: "Ты знаешь, есть одна тема, которую никто никогда не затрагивал - это о людях просто страшной судьбы, о дублёрах-космонавтах, которые всю жизнь выходят на старт, и так у них проходит жизнь, потом их списывает медицинская комиссия и о них никто никогда не узнает..." Я уверен, что мы бы сняли ещё очень хорошую картину, у нас как-то шла совместная работа. Но потом случилась эта драма, совершенно для нас неожиданно...

Ставропольский край, г.Пятигорск, Главпочтамт, до востребования, Визбор Татьяна Юрьевне.

Кошкедь мой золотой! Как только ты получаешь необходимые переводы из г.Москвы, так сразу отключаешь связь - я думаю, время уходит на пропой "Нарзана" (шутка). Я так и не знаю, как прошла и состоялась премьера замечательной песни о нашем родном Ставрополье. (Композитор был несколько лучше поэта, который исключительно бездарен. Певец на уровне композитора. В целом группа подобралась очень ровная. Шутка.)

Я (лично) съездил в г.Тольятти с Булатом Окуджавой на его машине. Ночевали в Мордовских лесах, и когда Булат отходил от палатки, лес оглашался дикими криками. Так много было

комаров. В целом группа (Булат, я, машина и комары) подобралась очень ровная.

Сейчас отчаливаю туда же проводить Грушинский фестиваль в составе ровной группы: Никитины, Берковский, Сухарев. 20-23 уезжаю от вас навсегда в Арктику на атомоходе "SIBERIA".

Зверь! Всем ты меня радуешь, огорчаешь одним - очень много суетишься, стремишься во всё участвовать и таким образом просто тратишь жизнь. Все дела тебе кажутся наиважнейшими, хотя большинство из них необязательны. Я не против бурности. Я хотел бы, чтобы у тебя существовал некий противовес в виде Бедной Лизы, немного размышляющей и немного познающей мир, не только скользя по его поверхности, но и заглядывая в самый глубокий его колодец - в себя. Я всё это пишу тебе в том смысле, что неплохо бы тебе пожить в тишине, с книгами на даче и отдохнуть в прямом смысле. А в горы ехать уже поздно, надо было раньше думать, дорогая. А вообще есть масса хороших новостей, зверёк. Пиши, любимый!

6 июля, 1979 год".

"Отец, привет тебе от родного Ставрополя! "Дела Пятигорские" - наша постоянная рубрика. Прямой эфир прошёл отлично, во всяком случае так утверждают очевидцы. Хотя мне казалось, что я не всегда точно попадала по струнам (какое-то ручное косолапие одолело, генетически это объяснимо?), забывала слова, и голос у меня был, как у юродивого из оперы "Борис Годунов" (на паперти, должно быть, людям с таким голосом подают хорошо). Можно было также сравнить с голосом легендарной сидоровой козы. Во всяком случае, было весело. На летучке нас (ТВ-группу и лично Визбор Т.Ю.) благодарил директор студии тов.Черняев Н.И., после чего я, естественно, вознеслась, а именно: уехала в командировку в горы. Места! (Но в "Узунколе" лучше.) Река! (Я там даже купалась.) Работа! (Сделала три материала.) Концерты! (Выступала каждый день, принимали отлично, перепела весь твой репертуар, а также часть Никитина и Кима, причём не один раз, - песен явно не хватает - хоть самой пиши, тем более, у меня теперь "большой опыт".) Приехала в Пятигорск только что, так что Ваши, милсдарь, намёки, будто бы я не пишу, мне абсолютно непонятны. По прибытии получила твоё поучительно-воспитательное, а также родственно-обаятельное письмо. Очень обрадовалась! Всё-таки приятно, знаешь, получить вдали от родных

голубых торосов письмо, написанное не менее родной лохматой лапой.

Пишу последнее письмо в надежде, что оно дойдёт раньше, чем дойду я (до ручки: на студии скукота), так как ты уже знаешь, я полагаю, - 22-го Татьяна Юрьевна прибывает в замечательную столицу нашей Родины г.Москву, в не менее замечательный аэропорт этого славного города - Внуково, рейсом 1218, вылетающим тоже из очень славного города, который по праву называют "воротами Кавминвод". (Вот, приблизительно, какие материалы мы, исключительно "талантливые" студентки-практикантки, пишем для студии: информация поступает по телефону, деньги получаем по телевизору, большой простор для фантазии, есть где "блеснуть" остатками способностей. Ну, хватит о грустном.)

Итак, просьба означенную особу встречать в вышеуказанном месте. Транспаранты (типа "Привет героям Кавминвод"), цветы, флажки и военный оркестр - на ваше усмотрение. И никаких Арктик! Боже упаси! Ну... Хотя бы... до 22-го, а? Всё. Отец, времени мало, бежим в магазин, а то останемся без ужина. Посему "кончаю, страшно перечесть, стыдом и страхом"... ну, а дальше ты сам знаешь.

Твой зверь, одичавший, неясной породы".

Однажды я позвонила отцу. Позвонила просто так - он просил, чтобы я всегда "контрольно" объявлялась. "Срочно приезжай ко мне" - рывкнула трубка. Я тут же прилетела, благо от факультета журналистики, где я тогда училась, до улицы Чехова - рукой подать.

Отец, как всегда, работал. Это я сразу поняла, выйдя из лифта, по стуку (тарактению) пишущей машинки, громко включённому приёмнику и запаху капитанского табака. "Садись, кот, - произнёс он почему-то торжественно, - сейчас я прочту тебе гениальнейшие стихи". Когда отцу что-нибудь нравилось, он не скупился на эпитеты в превосходной степени. И он прочёл, вернее "прорычал" следующее:

*Есть город матросов, ночных контрабасов,
Мохнатых барбосов и старых карбасов.
Зюйдвесток каляных на вантах наклонных,
В ветрах окаянных, рассолом калёных.
Ложатся там хмары на снежные горы.
Там в бурю сквозь бары проходят поморы.
И снится мне вешка, снегов поваляшка,
И с волчьей побежкой собачья упряжка...*

Эти стихи в 1946 году написал Павел Шубин. Сделав их как бы более песенными, отец предложил Сергею Никитину положить их на музыку. Как потом шутил композитор: "Стихи Шубина, музыка Никитина, песня Визбора". Впоследствии эта песня стала композиционным началом фильма "Мурманск-198".

Компьютерная запись.

Мне очень от излучения
необходимые сервизы из
1. Москва, там сразу открываются
Лоды - я думаю, что
Время уходит и урванов
и урванов (шутка). Я сам и
и dico, ии урванов и
сосаятся урванов замечатель
и ии о и ии и рудики
Соборные. (Компьютерная
несколько лучше всего, и урванов
и ии и ии ии. Без урванов.
Пелю ии и урванов ии ии ии.
В этом урванов ии ии ии
очень рудики. (шутка)

Автограф Ю. Визбора

ВСТРЕЧА ШЕСТАЯ

ВАЛЕНТИН ФЁДОРОВИЧ ВОЛОСАТОВ - ассистент режиссёра документального фильма "Мурманск-198"

На атомоходе "Сибирь" отец так и не пошёл. Хотя это было не в его правилах - не присутствовать на съёмках. Изменились жизненные планы, и сценарий он доверил режиссёру.

А рассказал мне об этом Валентин Федорович Волосатов:

- Арнольд Алтмяэ был тогда уже известный режиссёр, он сделал несколько хороших работ об острове Сааремаа, о рыбаках, и вообще он был режиссёр морской темы. Мне кажется, это была Юрина идея - пригласить его. Видимо, они были знакомы раньше, у них сложились хорошие отношения. Мы созвонились с Мурманском, там нам предложили флагман атомной ледовой проводки, самый последний, самый мощный ледокол "Сибирь". Пошли без Юры. Алтмяэ поэтому счёл необходимым быть вольным в трактовке его сценария. Он хотел показать тяжёлый, изнурительный, однообразный быт моряков на ледоколе и на берегу, как они живут, отдыхают. Мы снимали рестораны, молодёжь в Мурманске. Потом в Ленинграде снимали, там мы очень много времени пробыли и много плёнки угробили. На ледоколе дошли до Диксона, вернулись, в Москве проявили материал. Юра его посмотрел: "Ну что вы, ребята, совсем не то: ни каравана судов нет, никаких работ, полно Ленинграда, где молодёжь пьёт". И очень жёстко поставил вопрос - поменять оператора. Так возник Борис Павлов - оператор из АПН, снимал он очень хорошо, быстро находил нужный ракурс, Юру очень устраивал. По-моему, они раньше тоже знакомы были.

Прилетели мы в Мурманск в конце июля 1979 года.

Юра сразу же пошёл к начальнику Мурманского пароходства, и тот сказал ему: "Сибирь" уже в рейсе, а есть ледокол "Капитан Сорокин", финской постройки. Устроит?" - "Конечно, очень хорошо".

На "Сорокин" нас взяли с удовольствием. Юра жил рядом с каютой капитана, на самой верхней палубе. Сначала мы снимали в мурманском порту, вот там песня на стихи Шубина хорошо легла. А как только вышли из Мурманска, Юра стал с гитарой кочевать по каютам, его всё время приглашали, чтобы песни записать. И потом в течение всей экспедиции из разных кают, иногда одновременно, доносился его голос. Юрины песни вообще навевают столько воспоминаний, вся экспедиция под них прошла... Снимали мы, конечно, не постоянно. Во-первых, потому что раньше очень много плёнки истратили, приходилось экономить; во-вторых, потому что событий было сначала мало: ну, льды кругом, однообразие. И для того, чтобы хоть как-то скрасить будни, Юра научил нас играть в одну простую карточную игру "ап энд даун" - "вверх-вниз". Собирались мы в одной из верхних кают, дверь открывали настежь. И вот мимо льды проплывают, то зелёные - морские, то синие - пресноводные, то появляется чистая вода, то - сплошные поля с торосами, а мы сидим и в карты режемся. Увидим за дверью что-нибудь интересное, быстро карты побросаем, Борис камеру берёт, и мы снимаем. Надо сказать, что Алтмяэ после споров с Юрой в Москве как-то отстранился от съёмки на ледоколе - на Юру, что ли, обижался. Его можно было мять, как глину, он вяло сопротивлялся, но уступал в конце концов. А потом он вообще отошёл от работы на некоторое время, подружился с судовым врачом и ходил к нему пить спирт с сиропом шиповника и беседовать - тоже дело. Юра, конечно, мог взять на себя обязанности режиссёра, но с этической точки зрения он считал, что если он его пригласил, то официально отстранять его права морального не имеет. Хотя фактически был и автором, и режиссёром. Это было его кино.

Шли мы от Диксона в Тикси. Ледокол почти всё время был в работе. Вот он идёт, впереди караван судов во льдах, а лёд крепкий. Ледокол подходит, нос торгового судна привязывают к корме ледокола, и он его проводит к чистой воде. И так два-три раза, пока всех не перетащит. А на чистой воде - повезло просто - встретились нам сразу два ледокола, очень кстати оказалось: у нас топлива мало было и продуктов так себе, а они неделю как из Мурманска вышли, поделились с нами. Мы, когда их увидели, сразу же по радиации связались: "Как меня слышите?" В ответ: "Ба-ба-ба" - ничего непонятно, и голос спокойный нашего капитана: "Понял вас". Как они друг друга понимают? Мы, конечно же, сразу снимать начали. Представляешь, когда эти три огромных "острова" встречаются, сколько разговоров бывает, сколько но-

востей интересных, эти с Востока пришли, те - с Запада. Людям нужно было общаться, и они тянулись друг к другу.

Потом мы попали в тяжёлую обстановку. Во-первых, пробоина была у одного корабля, мы латать помогали. Во-вторых, с севера ветер подул, и к берегу пошла такая мощная лавина льдов, что наш "Сорокин" оказался затёртым, как "Челюскин", во льдах, а там ещё три судна стояли, которые лёд мог вообще сдавить, и поэтому всю ночь наш ледокол крутился и кромсал эти глыбы льда по кругу, делал из них кашу, а лёд всё подходил, и ледокол опять кружил вокруг этих кораблей - и так всю ночь. Было очень тревожно. А к утру ледовая обстановка разрядилась, ветер переменялся...

Белых медведей мы видели, но вдалеке, к нам они не подходили, хотя нам рассказывали, что шёл ледокол и вдруг - медведица с медвежонком, им банку сгущёнки кинули. Медведица лапой как ударит по ней и потом они с медвежонком льдины облизывали вдвоём. У острова Белужий мы действительно сняли белуг, как они выныривали из воды, играли.

Да, ещё один важный момент. Вот у этих Белужьих островов мы проходили место, где много наших моряков погибло, там "Сибиряк", по-моему, оборонял берег от фашистского миноносца. Юра попросил, чтобы на том месте, проходя мимо этих островов, ледокол дал гудок, а сам он сделал объявление для молодых моряков, что во время войны здесь героически сражались и погибли наши моряки. Так, кстати, возникла песня "Фотографии на память". Надо сказать, что Юра не предполагал, что всю картину он сделает под песни. Первый раз фильм мы показали в "глухом" варианте, тогда его не приняли. И Шергова, которая была на этом просмотре, сказала: "Юра, картина получилась какая-то очень уж традиционная". А Муразова предложила: "А что, если сделать по-другому. Вот ты - журналист с гитарой - пошёл вместе с моряками на ледоколе и рассказываешь об этом". Тот редкий случай, когда начальство помогло. Вот так родилась идея доснять начало картины, когда Юра в Москве, в своей квартире, сел с гитарой и начал рассказывать: "В своей профессиональной работе я пользуюсь..." - и так далее. Сразу же песни появились, он пригласил на фильм Сергея Никитина как композитора. Это было полностью авторское кино, поэтому всё сразу встало на свои места.

В новом варианте картину приняли тут же. Потом в Риге, на Международном фестивале "Человек и море", она получила приз "Трезубец Нептуна", во "Времени" был сюжет о вручении

приза сценаристу. Картина получилась не про тяжёлый труд, хотя и он, конечно, присутствовал, а про романтику моря, что Юра особенно привлекало самого. В фильме была какая-то прелесть морских дорог, что всегда привлекает мужественных людей, которые мечтают Испытать себя волнами. Юра потом мне говорил, что первый секретарь Мурманского обкома звонил ему и благодарил за фильм. Визбор очень подружился тогда с командой, особенно с вертолётчиком и "дедом"-старпомом, они потом в Москве встречались.

Да, ещё одна нелепая до смешного история была. Фильм у нас был явно полнометражный, но до полного метража не хватило шести метров плёнки. Что делать? Ведь если "короткометражка", то это и статус фильма другой, и денег вполонину меньше. И тогда я предложил Юре элементарно удлинить титры, растянуть их, и мы эти шесть метров просто подклеили.

К Юре очень хорошо относился каждый, кто с ним общался, считал его чуть ли не своим другом. А он со всеми был одинаков, старался не выделять никого, поэтому каждый ощущал, что как-то причастен к нему. Я не считаю, что был его другом, но мы с ним работали на четырёх картинах - можно сказать, часть жизни рядом прошли...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"В каюте у капитана висит: 1. Капитан всегда прав. 2. Если капитан не прав, см. № 1. 3. Учись на капитана".

"Дизель-бренди: спирт с бензином".

"Запись в судовом журнале: Стоим на рейде, t +1. Закончена разгрузка судна. Но вот пришли ребята с берега и принесли, писать в принципе больше не о чем, целую, Гена..."

"А руки-то, руки-то из крыльев! Тот, кто думает, что из плавников, может отправляться к тритонам."

"Если ты не пил, а все говорят, что ты пьян, наверно, нужно пойти и поспать".

"Серое море было сплошь в морщинах, как кожа старого слона".

"... В это время сверху раздалась стрельба. Это спустилась группа захвата "Каскад". Битва продолжалась очень недолго. "Каскад" ошибок не делал. Но в это время вступил в бой личный полк охраны Амина - полк советский, составленный из таджиков, переодетых в афганскую форму. Они ничего не знали и стали наступать на "Каскад". Битва шла около часа, причём полк нёс

потери, "Каскад" - нет. В ту же ночь началось вторжение, которого никто не ожидал. Дело, в принципе, было сделано.

Мы боремся за мир. Нам нужен мир и, желательно, весь...

Их было 75 человек, которых готовил он в "лесу" - командир-начальник КУРа, полковник, уже Герой Советского Союза Григорий Иванович Бояринов. Его привезли в гробу, там нечего было хоронить...

Коля из группы захвата "Каскад". Ранен в голову. Пуля прошла под лобовой костью и вышла рядом с глазом. Вторая порвала перикард сердца. Были и ещё ранения. "Никто не думал, что я выживу. Жене сказали: один шанс из тысячи, если будет жить - слепой и обездвиженный. Жена в тот же день побежала в ЗАГС и развелась". Коля выжил. "Но это тяжелей пули" - сказал он.

Знание - сила, а сила есть - ума не надо.

Самолёт Ташкент - Москва. Совершенно пьяные офицеры, летящие из Афганистана. Милиция обманывает насчёт оружия. "Мы устали от этого оружия. Гранату тебе под зад". "Я, между прочим, раненый". "Если бы ты был там, где был я, ты бы не спрашивал". "Какой город? Москва? А разве не Кабул?" Жуткое ощущение - расхристанные формы, галстуки на погонах, беспрерывно пьют из горла бутылок, нервическое отчаяние, наглость убийц. Если уж пустят, так вот этих.

"Я захожу в комнату, где на кровати лежит один из моих учеников. Перед ним деревянная стена, рядом с ним - ящик гвоздей-"сотка", стена вся утыкана гвоздями. "Портишь имущество?" - сказал я. "Порчу" - сказал он, продолжая метать гвозди".

Три войны по глупейшим поводам. Мир пал в моих глазах!

Любовь обращена в будущее. Она там, во встающих из-за горизонта облаках, вся там, в надвигающемся, в предполагаемом, в следующем, её зёрна обращены к новому поколению..."

15

В СРЕДСТВАХ

ОТРАЖАЮТ

КОМИТЕТ ЛЕНИНСКОГО КОМПАРТИИ

27 октября 1957 г.

ОТРАЖАЮТ

1958

ВСТРЕЧА СЕДЬМАЯ

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ ЛИСАКОВИЧ - документальный фильм "Отчего поёт человек", 1981 год

Нашу встречу Виктор Петрович начал с того, что посадил меня в "Останкино" в просмотровый зал, чтобы показать свою документальную ленту. Надо сказать, этот фильм, как мне казалось, я хорошо помнила. Во-первых, потому что это классика советской документалистики, во-вторых, я смотрела его, будучи студенткой факультета журналистики, потому что он входил в учебную программу. Каково же было моё удивление, когда на первых кадрах "Катюши" я услышала песню, на которую раньше, вероятно, не обращала внимания. Пел её отец.

- На фильме "Катюша" вы встретились впервые?

- Нет, это не первая встреча была. Вообще, я для себя понял, что наши отношения, наши встречи настолько типичны в нашей жизни, когда всё кажется вечным, и встреч будет много, что всё будет впереди, что не сегодня-завтра встретимся, а потом - раз... и встречи все прекращаются, что-то остаётся недосказанным.

Как ни странно, но первая и очень важная для меня встреча была заочной. Я в шестьдесят первом приехал на целину, на практику, в качестве ассистента режиссёра, на картину ЦСДФ "Голоса целины". Учился я во ВГИКе на режиссёрском факультете. И поездка туда сама по себе была уже, конечно, событием, потому что мы попали в нормальные производственные условия, в группы. Масса самостоятельной работы грозила. Нашим большим коллективом руководила Лия Дербишева. Приехав, я застал такую картину: все слушали Визбора, записанного на магнитофон. Оказывается, Юра, с которым я не был тогда знаком, приезжал сюда с радиийной бригадой. В тот день, когда я прибыл, они все уехали, а накануне состоялся такой домашний гостиничный концерт, ночное сидение в одном из номеров целиноградской гостиницы "Акмолинск". Так вот, вся гостиница собралась в номере

нашей группы, потому что тогда звукозаписывающая аппаратура была не в ходу, не каждый имел магнитофон, а тут - группа с профессиональным магнитофоном, с профессиональным звукооператором Юрой Агаджановым, который добросовестно всё это записал. Я участвовал в этом прослушивании, а потом три или даже четыре месяца жизни на целине прошли под знаком Визбора. Я знал всё наизусть, где, в каком месте кто смеётся, кто хлопает в ладоши, чья это реплика. Это была "живая" фонограмма, которая потом пошла гулять по Москве, я очень во многих домах её слышал. Наверно, такого кумира, как Юра, потом долго у меня не было. Я был влюблён, не будучи знаком с ним, изучая каждое слово. Каждое утро начиналось с пения Визбора, день проходил под его знаменем. Это был 1961 год...

И вот уже в 1964 году я делал фильм "Катюша", который вы сейчас видели, и мне нужна была песня. Пригласили композитора Модеста Табачникова - он часто писал о моряках. С текстом очень туго шло, не могли найти поэта. В итоге стихи написал Долматовский, они хорошо легли на музыку. Но тут началась новая трагедия - песню кто-то должен был исполнить. Музыкальный редактор студии, который стал мне предлагать всякие варианты (приводил даже какого-то певца), поверг меня в полный ужас. Я не мог себе представить, что это может быть в картине. И тут я вспомнил 1961 год и стал искать Юру. Я его долго ждал, он был в отъезде, сроки поджимали, и когда, наконец, дождался (а мы записали до этого фонограмму), Юра пришёл, послушал и сказал: "Ну, давай попробуем". Мы пошли в павильон, и он стал песню как бы наговаривать, разминать, какие-то слова менять. В общем, просидели несколько часов, и этот своеобразный песенный наговор сделал мне всё, что нужно было. После этой первой встречи у нас сложились тёплые, я бы сказал, дружеские отношения, которые из-за дурацкой суматошной жизни толком поддержаны не были.

Году в семидесятом мы просидели ночь, слушая его песни, разговаривая, у Егора Яковлева, я уже не помню по какому поводу, просто стихийная была встреча, которая укрепила наше знакомство.

Потом начались встречи в "Экране", но всё больше только разговоры:

- Давай сделаем вместе картину о том-то...
- Давай.
- Давай оживим работу художественного совета там-то...
- Давай.

Юра всегда предлагал, попыхивая трубкой, у него всегда рождались какие-то идеи. Потом - то он куда-то уезжал, то я - так толком ничего и не выходило.

И вот в 1981 году я делал очень сложный для меня фильм под названием "Работать всегда трудно". Это - о ВАЗе, очень "железная" картина, а мы хотели расшевелить эту тему. И вот, как отдушина, появился фестиваль политической песни там, в Тольятти. Мне это всё понравилось, и я параллельно стал снимать картину про молодёжный клуб политической песни. Рабочее название было "Песня летит над Волгой". Снял, практически, всю картину, и вот, встретившись с Юрой на каком-то собрании, говорю: "Юра, я сделал картину. Она готова, но нужно кое-что доделать. Может, сможешь?" Мне тогда показалось, что он вдохнёт в этот фильм нечто своё, личностное. Так и получилось. Мы провели в Тольятти неделю, наверно. Занимались делами, рассуждали, встречались с людьми. Юра придумал название "Отчего поёт человек?" От названия пошло всё легче, картина стала складываться. Одновременно Юра там отметил свой день рождения, и провёл концерт.

У меня дома до сих пор висит афиша того концерта. На большом жёлтом листе красивыми буквами написано: "Гость автограда - Юрий Визбор", а внизу от руки нацарапано: "Все билеты на Визбора проданы".

Возвращались мы из Тольятти на моей машине, я только что её получил, а у Юры машина была в ремонте. Водил он очень хорошо, значительно лучше, чем я, который к тому времени шесть лет сидел за рулём. И вот, вы понимаете, новая машина - как новый конь: и мне хочется вести, и Юре. Когда мы немножко отъехали от Тольятти, он нашёл у меня какое-то нарушение и сел за руль сам. И я всю дорогу его уговаривал: "Юр, мы же договорились, ты устал, давай я подменю". И только перед самой Москвой я получил свою машину назад - поэтому мы очень быстро проскочили весь путь.

И был ещё один эпизод. Юра позвал меня на концерт в Дом художника, а я должен был срочно кого-то встречать. Назавтра я ему позвонил и сказал, что на концерте не был. Он ответил, мол, не беда, в следующий раз придёшь. А следующего раза не было... Это, наверно, один из последних концертов был, осень 1983 года. А я ведь очень хотел послушать, потому что последние песни для меня были вообще неизвестны. Вот так и осталось что-то недослушано, недосказано. Всё кажется - завтра можно дополнить, а "завтра" не бывает...

- *С ним было легко работать?*

- Да, легко, тянуло к работе самого, потому что он работал, потому что идеи у него были хорошие, быстрые, живые.

- *А как он с начальством общался?*

- Нормально, независимо общался. Мне кажется, что он умел уходить. Не нарочито, не "в позе", а так просто - поворачивался и уходил. Умел держать своё достоинство.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Сила и разнообразие, разножанровость тех или иных увлечений объясняется иной раз - зачастую, часто, чаще всего - самым прозаическим образом. Прыщавый юнец пытается привлечь внимание окружающего пространства, выставляя в окно динамик радиолы. Гипертоникам нравятся горы, потому что там свежо и прохладно. Сексуально неудовлетворённые стремятся к карьере, где власть над другими даёт им то, что они не могут получить при помощи личных качеств. Алкоголиками руководят ясные, сильные цели. Склонные совершать добро в конце концов становятся ленивыми и малоподвижными увальнями. Близкие по отношению к близким совершают самые разительные и немислимые ошибки.

Единственное и самое важное качество - личная преданность. Второе - личное здоровье, заслуживающее всеобщего уважения на постоянных пьянках. Кто не пьёт - тот не наш. Третье - общая низкая эмоциональность, слабая способность к сочувствию, классовое понимание справедливости, общая бревноватость.

Дети ответработников, у которых во время войны всё лопалось от жратвы, играли в горе, то есть хоронили, закапывали, голодали...

Помои льются с горы, а мы стоим внизу и глотаем.

"Вот я мбю машину, из шланга льётся вода, и из него тоже: он говорит, но совершенно ни о чём".

Начальникам положено теперь охотиться, так же, как раньше осуждать Дудинцева или крушить по кирпичику церкви.

Жена чиновника рассказывает о своих жизненных трудностях: "Вы себе не представляете. Он - охотник. Это хуже алкоголизма. 200 дней в году он на охоте. Представляете? И ему нужно охотиться не только здесь. Он ездит и на Север, и в Крым, и в Карпаты. У нас вечно живут какие-то егеря. "Хозяюшка, икра-то есть?" Ну, есть, конечно, полугоралитровая банка. Он садится и съедает полбанки, ест икру и чавкает. Другой приезжает - у него язва. Он, кроме икры и коньяка "Наполеон", вообще ничего есть не

может. Я с утра до ночи стою у плиты. Вы знаете, что такое ощипать гуся?"

"С глазами плохо стало. Денег совсем не вижу".

Каждый день я сижу у телека и перед программой "Время" смотрю, как по синему циферблату бежит стрелка. Ну, минимум минуту в день сижу, 360 минут в год, 6 часов. Сижу, как дурак, и смотрю в ящик! Ужасно!

Если в Москве рекомендуют стричь ногти, на Украине начинают рубить пальцы.

Как самому собрать телевизор при помощи совка и веника.

Воздух был такой стоялый, такой штилевой, такой неподвижный, что дышать было невозможно. Казалось, то, что выдохнул, то и обратно в лёгкие тянешь.

К ним нельзя приближаться даже на расстояние телефонного звонка.

"Я разговариваю с "вертушкой", а вы тут хлопаете дверьми".

Секретарь обкома о Салтыкове-Щедрине: "Так, понимаете ли, оклеветал область, а приходится юбилей праздновать!"

Боже мой! Какую радость раньше нёс с собой снег, когда легко любилось! Каким счастьем казалась жизнь, как хотелось жить дальше - в покое и в счастливых мучениях друг друга. Куда всё это ушло? В какую-то чёрную яму, в зарешечённое отверстие общественного душа. Остались мелкие радости: что не тронули сегодня, не испортили настроения, не довели давление до клочотания в горле, дали спать.

Наше отечество - небо. Наша извечная тоска - тоска странника..."

Осенью восьмидесятого года в нашей квартире раздался междугородний звонок. Отец тогда был в Кировске, но звонил не он: "Таня? Не волнуйтесь, всё в порядке, папа поломался". После некоторой неразберихи выяснилось, что отец упал, катаясь на горных лыжах, получил двойной перелом тазобедренного сустава, а "всё в порядке" - это в том смысле, что он жив, и в данный момент его в гипсе транспортируют в Москву. Тогда отец работал над сценарием фильма о Кировске - "Город под Полярной звездой"...

На съемках фильма
под Полярной звездой

Автор сценария Ю. Визбор
Режиссёр Д. Дёмин

ВСТРЕЧА ВОСЬМАЯ

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ ДЁМИН - режиссёр фильма "Город под Полярной звездой" (1982)

- Юра рассказывал, что в тот раз он спускался не по трассе, а просто по снежному насту, а там оказалась то ли яма, то ли трещина, и он на скорости упал, в общем, поломался прилично. Тогда его с горы транспортировал Слава Мельников, если не ошибаюсь, бывший чемпион Союза по горным лыжам, его приятель. Юра потом ещё в "Экран" долго в гипсе приходил. Он в Кировск очень много ездил, там тогда борьба шла за то, чтобы превратить город в некий центр горнолыжного спорта, чтобы иностранцы приезжали, и не только, чтобы там кемпинги нормальные построить, трассы, и Юра, естественно, как-то радел за это душой. А в Кировске масса всяких заводов, и природа погибала. Я даже думаю, что толчком дня написания сценария была вот эта проблема.

Вообще-то мы с ним, сколько были знакомы, всё время собирались снять "морской" фильм, а совсем не о горах, но как-то всё не получалось. А потом встретились однажды в коридоре, и он мне говорит: "Слушай, у меня сценарий есть о Кировске, не хочешь снять?" Я отвечаю: "Ну, давай попробуем". Собственно, сценарий уже был написан, но Юра по ходу дела несколько раз хотел его поменять. У него там был друг, инженер, который попал в обвал. Родилась идея сделать фильм о нём. Потом хотели снять картину о "мэре" города Кировска Василии Ивановиче Кирове. Мы с этой идеей долго носились. Ну и в результате ничего поменять не смогли, просто не успели. Понимаете, наша скоропалительность в производстве фильмов сказывалась на всём протяжении работы. Документальное кино нельзя так снимать. Нужно искать события, нужно ждать, накапливать материал, а не пришёл - снял, что увидел, и уехал. Поэтому наш фильм получился очень сумбурный: одну линию начали, вторую, песни то оставляли, то выкидывали... В нём, мне кажется,

отразилась жизненная неопределённость, которая в то время была во всём.

- *Он вам не мешал как режиссёру?*

- Мешал, конечно. Любое несогласие переживал, но это уже за монтажным столом. Я ему тогда говорил: "Ты монтируешь фильм под свои песни, а этого делать нельзя". Хотя он тоже, когда что-нибудь смонтирует, советовался: "Дим, ну как тебе, нормально?" Песни таки вошли в картину, в частности "На плато Расвумчорр". Фильм гладко прошёл, хотя тогда в "Экране" нормальную картину сделать было вообще невозможно. Думаю, поэтому Юра уходил в романтику: горы, море - к чему душа лежала...

В Кировске, на съёмках, несогласия у нас не было, вообще мы довольно весело жили, ребята были интересные, Юру любили там очень. Был его большой вечер: огромный зал, много молодёжи, Юра пел. Было много Юриных знакомых лыжников, и весь отдых у нас проходил в травле баек. Он тогда очень любил рассказывать всякие мистические истории, целая серия была: про Эльбрусскую Деву, про Чёрного Альпиниста. И ещё он очень смешно рассказывал историю о том, как брал билет из Ставрополя: как Борман до Берлина...

А история была такая. Отец находился на съёмках документального фильма в Ставрополе. И ситуация сложилась так, что ему по работе нужно было срочно оказаться в Москве. Теперь представьте себе аэропорт курортного города во время летних отпусков. Жара, полно народу, билетов, естественно, нет, очередь в кассу огромная. Отец каким-то образом к окошку протиснулся, очки чёрные приподнял и говорит кассирше: "Вы меня узнаете? Я - Борман. Мне нужно срочно улететь в Берлин. Вы меня понимаете?" Она его почему-то сразу поняла и, пошелестев билетами, растерянным шёпотом сообщила: "К сожалению, у нас до Берлина нет, только до Москвы..." Отец кивнул и также шёпотом произнёс: "Очень хорошо, давайте, что есть".

- ... Ещё один любопытный эпизод. В восьмидесятом году мы с Юрой вместе оказались в Прибалтике на фестивале "Человек и море", наши комнаты рядом были, и вот тогда мы вели разговоры о море, гуляли по утрам вместе. Познакомили нас там с голландским режиссёром Фредом Ван Куиком, он туда привёз свою картину "Паруса над Амстердамом". Юра очень хорошо знал английский, и с его помощью мы с Фредом беседовали на всякие морские темы. И тут Фред предложил: "Давайте вместе снимем

морскую картину". Мы сходу согласились и даже начали обсуждать - чего, как, - загорелись. И Фред сказал: "Всё, договорились, у меня здесь в номере камера лежит, завтра же утром и начнём снимать". Юра ему минут сорок вдалбливал, что это невозможно, что на это нужно разрешение Гостелерадио, договоры какие-то и много ещё чего. А Фред никак не мог понять и всё время спрашивал: "Так вы сами-то хотите со мной снимать?" Мы отвечали: "Да". "А какие же тогда проблемы?" - недоумевал он. И Юра ему по-новой начинал объяснять. Он, кстати, как честный человек, потом пытался договориться с Гостелерадио, но чего-то не вышло, как всегда. А картину, которую Фред нам предлагал сделать вместе - о паруснике "Крузенштерн", - он снял. Только без нас...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Сначала завизируй, потом импровизируй.

Кировск.

- А остальные ребята дома?

- А остальные - лебеди.

- Как это?

- А так. Знаешь "танец маленьких лебедей"? Только на бетоне. Вот так.

Записка на концерте:

"Спойте, пожалуйста, песню "На пальто Расвумчор".

"Я помню, помню Котлас. Нары трёхэтажные, потолок рукой достать".

Замначальника цеха подготовки: "Когда я ухожу с женой в кино, я звоню диспетчеру и сообщаю - кинотеатр, ряд и номер кресла".

В министерстве, бедняги, занимаются с утра только тем, что лапатают дырки. Вон там взорвалась домна, там встал мартен, тут же эшелоны останавливают и переправляют в другое место. В Штатах практически происходит круговорот металла. У нас сорок процентов теряется в стружку, обрезы. Руда поступает восемнадцати сортов. Разве из такого варева что-нибудь путное сделаешь?

Директор завода рассказал, как делался первый советский "шатл". Рабочие вкальвают по три смены, их бесплатно кормят, любые деньги платят. Иду к ним, говорят: "Не надо ваших денег, устали". По технологии - на месяц работы, по факту - надо за

пять дней сделать. Говорю: "Кончим работу, даю свой самолёт, и всех с жёнами, детьми, братьями, сестрами - на юг, бесплатно". Пришёл на другой день. Рабочий держит контргайку и спит. Сделали. Из заводской казны взяли деньги пачками, не считая. Улетели на юг...

Знал директор, что через месяц то же самое будет, те же пять дней вместо месяца.

Мы кричим: "Осень, осень!" А листья падают уже в июне.

Что-то всё время падает с неба: листья, дожди, чудеса, семена, снега, свет, слёзы, самолёты...

"Годы постоянного утомительного вранья, - сказал мой приятель, - отсюда постоянно плохое настроение. Случай с самолётом задевает фундаментальные позиции нашей страны".

- Это наши его сбили?

- Это ваши сбили. Мы поставлены просто вне международной морали.

Фирма "Сукин и сын".

- Что мне говорить?

- Говори правду. В правде никогда не запутаешься, во лжи запутаешься всегда.

С Олегом Васильевичем Корвяковым мы познакомились в 1982 году в Молодёжной редакции ЦТ, где он работал режиссёром, а я проходила практику. Мой редактор Надежда Федоровна Белканова дала мне задание отыскать интересный материал на героико-патриотическую тему и сделать сюжет об этом для программы "Адреса молодых". Я, естественно, обратилась за советом к отцу. Он тут же мне дал пластинку из журнала "Кругозор", на которой был записан его репортаж: о подвиге курсанта Армавирского военно-воздушного училища Павла Шклярука, были на этой пластинке и знаменитые песни-репортажи. "Бери и снимай", - сказал отец с присущей ему щедростью. В растерянности я спросила: "А как?" На что он ответил: "Ну это уж ты, дорогая, - сама. Ты журналист? Вот и придумывай, как".

Через некоторое время, обговорив с Олегом Васильевичем и Надеждой Федоровной будущий материал, я позвонила отцу и поставила его перед фактом: "Папа, мы решили, что сюжет должен провести ты, рассказать в кадре об этом подвиге". "Молодец, - тихо сказал отец, пытаясь скрыть раздражение, - хорошо придумала.

А в чём же будет заключаться твоя работа? Твоя как журналиста, в чём?"

Сниматься он всё-таки согласился...

"Начальнику Генерального штаба Вооружённых сил СССР Маршалу Советского Союза Старкову Н.В.

Главная редакция программ для молодёжи Центрального телевидения готовит программу "Адреса молодых" к XIX съезду ВЛКСМ. В программе запланирован очерк о подвиге курсанта Армавирского военно-воздушного училища Павла Шклярука. Просим Вашего разрешения на киносъёмку в этом училище. Нам необходимо снять следующие кадры: полёты на учебных самолётах Л-39, подготовка курсантов к полётам на тренажной аппаратуре, музей училища. С уважением. Главный редактор Е.Широков".

"Начальнику Авиационно-технической базы аэропорта Домодедово тов. Бондарю А.В.

Главная редакция программ для молодёжи ЦТ просит Вас разрешить съёмку для программы "Адреса молодых" в лаборатории Авиационно-технической базы. Для сюжета "24 секунды подвига" необходимо снять работу приборов, показывающих высоту полёта и количество оборотов двигателя. Главный редактор Е.Широков".

Вот с кем мне было тяжело работать, так это с собственным отцом. Он всегда на съёмках ставил меня в положение, из которого я должна была "как настоящий журналист" выкручиваться сама, а он всячески "подставлял мне ножки". На неудачно поставленный вопрос, как я сейчас понимаю, отвечал односложно - да или нет - и, усмехаясь, замолкал. А я, как назло, продолжала лепить все самые классические журналистские ошибки. В результате и краснела, и бледнела, и губы закусывала, чтоб не разреветься - так стыдно было. Это только сейчас понимаю, что он меня тогда просто-напросто учил, хотя сам же всегда говорил, что этому научить невозможно.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Проблема отцов и детей, - сказал мой друг сыну, - заключается в разности оценок происходящих событий. Это банально, но не банально то, что я тебе сейчас скажу. Никогда ещё отцы не переходили на сторону детей, всегда было наоборот - дети мучительно долго переходили на сторону отцов. Так вот, чем быстрее ты, дурак, поймёшь и сделаешь это, тем для тебя же будет лучше!"

Так что с Олегом Васильевичем Корвяковым нам было о чём вспомнить...

"Битва за Днепр"

*Режиссёр О.Корвяков,
артисты В.Лановой и М.Глузский,
военные консультанты
и автор сценария Ю.Визбор*

ВСТРЕЧА ДЕВЯТАЯ

ОЛЕГ ВАСИЛЬЕВИЧ КОРВЯКОВ - режиссёр фильма "Битва за Днепр" из цикла "Стратегия Победы" (1984)

- Впервые я познакомился с Визбором, когда мы делали передачу по его пластинке. Приехав к нему на улицу Чехова, я поначалу почему-то очень робел. Но как только переступил порог, сразу же пришёл в себя. Увидел громадный телефон с подводной лодки у него над столом. Юра угостил чаем, мы стали просто общаться, и я почувствовал себя очень хорошо. Он был самым собой и, слава Богу, совершенно нормальным человеком.

Прошло какое-то время, и волею судьбы мы встретились ещё раз. Только-только начинали делать цикл "Стратегия Победы". И мне очень понравился, показался очень любопытным первый вариант сценария Визбора "Тегеран-43" - так он тогда назывался, а не "Битва за Днепр". Я созвонился с ним и приехал к нему на дачу. Мы ходили, гуляли по аллеям (он был по-простецки в тапочках), придумывали, рассуждали о сценарии. Юра говорил, что всё это должно обрасти какой-то плотью, какими-то подробностями. Меня сначала насторожила игровая канва фильма. Юра думал, очевидно, о том, как бы выйти на стык чистой документалистики с художественным или постановочным кино. Он пытался в документальное кино привнести чисто художественные вещи, вводил в литературный сценарий игровые куски. Ему казалось, что это может быть органично, сообщит картине сюжетность. Я думаю, поскольку он был ещё и хорошим актёром, снимался во многих фильмах, ему, наверное, в документальное кино не хватало сюжета, а свой самостоятельный сюжет он хотел вывести при помощи придуманных постановочных эпизодов. Он фантазировал, а я его излишне приземлял. Потому что им замысливался какой-то грандиозный сценарий, а это выходило за рамки той конструкторской идеи, которая должна была объединять цикл. И мы отказались от этого.

То, что ему было интересно работать над военной темой - тут разговора нет. Он мне рассказывал такие вещи о войне... Вываливал на меня столько сведений, столько всевозможных ис-

торий и баек - и о Коневе, и о Рокоссовском, и о Жукове, и о всевозможных взаимоотношениях этих командующих фронтами. И я понял, что прежде чем приступить к работе, он перечитал, пропустил через себя огромное количество фактического материала. Сказать, что он был человек подготовленный, - это ничего не сказать.

Юрин сценарий был одним из первых в цикле. "Экрановские" режиссёры бойкотировали цикл. Пригласили нас, режиссёров, из редакций. Обстановка была напряжённой, все думали, что мы "гробанём" дело. Сначала сделали первые три картины, в частности "41-й год", где я был режиссёром, и на одном из редсоветов бурно их обсуждали. Юра присутствовал при этом, ни к одному из этих фильмов отношения не имея. Я себе тогда позволил фразу, что, мол, мне пришлось перелопатить весь сценарий, и что фильм ничего общего не имеет с литературным замыслом. И вот когда мы с Юрой через пару дней встретились, чтобы вплотную работать над его сценарием, у нас произошёл такой разговор. Юре не понравилось, что я с лёгкостью "опрокинул" работу сценариста, низверг в тартарары литературную основу и присвоил себе всё остальное. Он обиделся и даже оскорбился за своего коллегу по цеху, писателя, драматурга. Очевидно, так случалось в его практике, когда режиссёр вольно или невольно подходил к литературной основе как к чему-то, над чем можно совершенно спокойно экспериментировать. Он, может быть, почувствовал во мне человека, который будет посягать на его сценарий, выворачивать его наизнанку. У Юры какая-то настороженность ко мне возникла. Хотя я удивительный пиетет испытывал к нему и пытался ухватиться за любое слово, которое он произносил или которое было им написано, потому что мне всё казалось интересным. В общем, состоялся этот разговор. Он меня спустил с неба на землю. Всё сводилось к тому, что "да, тебе сказали, что картина хорошая, а ведь она по языку изобразительному архаична, она несовременна". Он произнёс это слово - "архаична". А я говорю, что не стремился осовременить её, старался фактически подходить к материалам, вся работа была по мемуарам маршалов. Но когда я уходил, он мне сказал: "Ты, старик, не обижайся, в общем, ты, действительно, снял хорошую картину, и мне приятно будет с тобой работать".

А работать с ним было интересно, хотя не могу сказать, что легко. Иногда мы спорили, и он "держался" за какой-нибудь эпизод, иногда уступал моментально, говорил: "Ну, старик, это не важно". Ему очень важна была фактическая сторона, чтобы

не соврать, мы с ним тут были абсолютно едины. И когда он выбирал факты из документов, ему было необходимо оставить те крохи правды, которые можно было публиковать. А было начало восьмидесятых, самый махровый застой, мы испытывали большие сложности с нашими консультантами, можно сказать цензорами. Юра дрался против тех правок, которые могли умалить, уменьшить степень правды. И если это вдруг, по его предположению, могло произойти, он становился бешеным. Говорил: "Мы не должны врать". Вот это его особенно волновало.

Первый вариант картины, так называемый "немой", мы создавали без Юры, он уезжал куда-то, говорил, что плохо себя чувствует, что в кои веки достали пугёвку. И перед отъездом мы ему показали фильм. Я так понял, что картина ему совершенно не понравилась, он был неудовлетворён и раздражителен, хотя и не выражал впрямую недовольства. Ему казалось, что это провал, что мы провалили фильм, и на сдаче его не будет. Картина показалась ему длинной, не очень эмоциональной. Ушёл расстроенный, и я расстроился, и Марик Глейхенхауз - оператор. Но когда он по приезде посмотрел картину в окончательном варианте, сказал: "Ну, старик, я не ожидал. Это то, что я хотел увидеть, и то, чего я не увидел вначале". Картина ему понравилась, я успокоился. Он говорит: "Ты - домой? Я тебя подброшу". В машине был очень грустный, очевидно, всё же догадывался о болезни. Это была наша последняя встреча.

Таня, а теперь я вам задам вопрос: вы почему не на телевидении, у вас же, вроде, распределение было, куда вы попали?..

Олег Васильевич не ошибся, действительно было официальное распределение, подписанное всеми имеющими к этому отношение высокими инстанциями, и я, счастливая выпускница факультета журналистики МГУ, готовилась с радостью взвалить на себя нелёгкий труд работника идеологического фронта. И не где-нибудь, а в самой Главной, самой молодёжной редакции Центрального телевидения. Реакция отца на это меня поразила: когда я размахивала перед ним, как флагом, подписанным распределением, он остудил мой пыл, сказав: "Не верь им, дочь, они тебя обманут". Я не поверила ему, и пребывала в приятной эйфории до тех пор, пока не пришла со своей, как выяснилось, "филькиной грамотой" в отдел кадров. Тупо проглядев мои документы, чиновный дедушка мне быстро ответил: "Принять не можем". "Почему?" - удивилась я. - "Документы не в порядке?" "Документы здесь ни при чём. Не можем - и всё тут", - просто объяснял он. Я продолжала настаивать на вразу-

мительном ответе. И тогда он, к моему изумлению, пригнулся к столу и, прикрыв рот рукой, тихо сказал: "Есть указание товарища Лапина". Он выпрямился. "Покажите указание", - не унималась я. "Не могу!" - ответил он, проделав те же телодвижения. - Указание устное". В шоке я вышла за дверь: работа, судьба, казалось сама жизнь на этом кончалась. Позже я узнала, благодаря какому "устному указанию" вынуждена была несколько месяцев слоняться без работы.

На одном из совещаний С.Г.Лапин, бывший тогда председателем Гостелерадио СССР, с лёгкостью обронил чугунную фразу, я бы даже сказала, претендующую на афористичность. Звучала она так: "У нас не завод "Красный пролетарий". Нам не нужны трудовые династии". Здорово, да?! Мне она тогда тоже понравилась, как понравилась, вероятно, тем, кто поспешил быстренько ввести её в ранг закона. И какой там индивидуальный подход в каждом особом случае, и какая разница, что Т/О "Экран", где работал отец, никакого отношения не имеет к Молодёжной редакции ЦТ. Я не смогла бы устроиться в "Останкино" даже уборщицей, хотя в тот период и на эту работу была согласна. "Дочь, хочешь, я иду из штата?" - спросил отец. Через некоторое время он был доставлен в реанимацию 15-й городской многопрофильной больницы с диагнозом "обширный инфаркт". Когда меня первый раз к нему пустили, я, наконец, смогла ему ответить: "Отец, ты, конечно, можешь уйти из штата, только не таким диким способом".

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА (после инфаркта)

"Наша разница, Юрий Иосифович, в том, что вы уже перенесли свой инфаркт, а я всё жду своего".

Больной: "Ты мне привези зубную щетку, а то у нас завтра проверка будет, у кого что есть. Ну привези, чего там! Я тебе на другой день её отдам!.."

"А вместо сердца - каменный топор".

"Какие у вас врачи молодые". - "Врачи? Да. Все уже по второму разу женатые. В других больницах всё как у людей: и ординаторы, и даже профессора на медсестрах женятся. В нашей - вообще ни одного!"

Анна: "Папаню хватил инфаркт, весь гарем зашевелился".

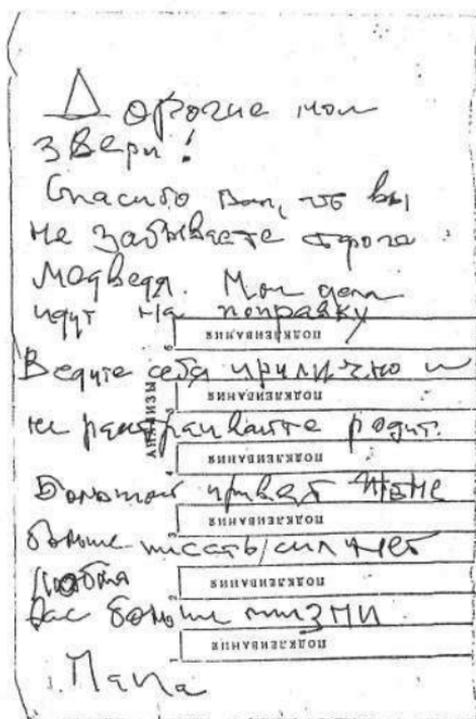
Когда надеваешь очки, на свои собственные пальцы смотришь, как в кино.

Так и идём мы, три инфарктника, скоро расставаться. Женя - он анестезиолог в Онкологическом центре - говорит: "Ну, что, ребята, не дай, конечно, бог, но если насчёт онкологии, - по-

жалуйста". "Спасибо" - сдержанно говорим мы с Даней. "А если насчёт переписи плёнок, - говорю я, - ко мне, у меня "Шарп" хороший". "А я что? - говорит Дания, он инженер. - Кран "Като" никому не нужен? Ну если кому на участке скважину пробурить - пожалуйста".

Да! Стул труднее описать, чем человека. У стула есть инвентарный номер, и он - в трёх ведомостях. А человек - что? Умер? Ну и привет!"

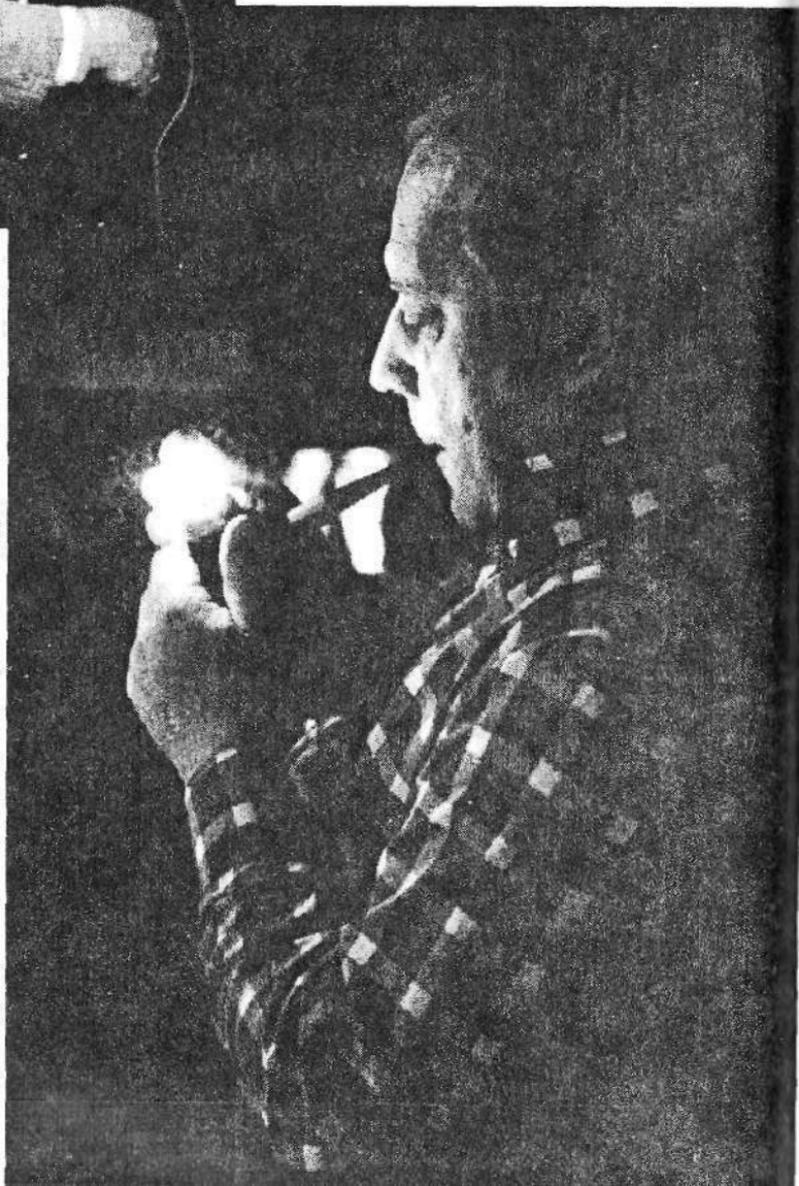
Записка, написанная дочерям Татьяне и Анне
Ю.Визбором в больнице

Дорогие мои звери! Спасибо вам, что вы не забываете старого медведя. Мои дела идут на поправку. Ведите себя прилично и не расстраивайте родителей. Больше писать сил нет. Люблю вас больше жизни.

Папа.

Владимир Красновский

Юрий Визбор

ВСТРЕЧА ДЕСЯТАЯ

САМАРИЙ МАРКОВИЧ ЗЕЛИКИН - режиссёр фильма "Победная весна" (1984)

Нашу беседу Самарий Маркович начал с неожиданного и невесёлого воспоминания:

- Как-то к нам на телевидение пришли так называемые "визбороведы". Очень они расспрашивали о том, каким Юра был документалистом. И я чего-то пустился в откровенность насчёт того, что он был документалистом интересным, но не борцом, и тут в этот момент меня разбил инфаркт. Вот именно, буквально на этой фразе. Я её указал, почувствовал себя худо, и пока Алёша Габрилович продолжал давать интервью, я лёг на стулья: ну, думаю, сейчас отдышусь и продолжу разговор, но не продолжил... Меня спустили вниз, потом "скорая помощь", реанимация и так далее. Так что я понял, что Господь Бог - он не позволяет говорить не то что худое, а даже сомнительные какие-то фразы. Как что - сразу наказывает. И тем не менее сегодня, я думаю, второго инфаркта не будет.

Юра для меня был совершенно легендарной личностью. Я никогда не думал, что буду с ним в близких творческих отношениях. Сначала, конечно, я познакомился не с ним, а с его песнями из "Кругозора". А потом, когда приехал в Москву из Харькова, я узнал, что у нас в "Экране" работает какой-то Визбор. Никак не мог понять, какое отношение он имеет к теледокументалистике. Этим занимаются несколько человек, известные в этой области, а он-то почему? Но потом очень быстро меня это перестало удивлять. Юра умел устанавливать очень короткую дистанцию между собой и кем-то, он был без фанаберии. У нас перед лифтами на шестом этаже есть место, мы его называли "ПТО "Перекур" (производственно-техническое объединение: у нас были ПТО "Летопись", ПТО "Публицист").

Очень удобное место, потому что в "Экране" найти никого было невозможно, но достаточно встать тут, перед лифтами, и

не ты кого-то искал, а все проходили перед тобой постепенно. И так или иначе, где-то час-два приятного разговора - и все люди, которых ты хотел увидеть, были пойманы. И вот в этом "ПТО "Перекур" очень часто любил Юра стоять, вокруг него всегда группы собирались, и шёл трёп, причём трёп великолепный. Некоторые байки я помню...

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Председатель колхоза в запое. В конце запоя обязательно бежит в поле вешаться. Там у него для этого припасена специальная верёвка. Есть и замечательная берёза, под которой в сенокосную пору любят отдыхать косари. Весь колхоз уже только и ждёт этого, сторожат, чтобы и вправду не повесился. Председатель сам на своём газике пьяный подъезжает к берёзе. Как только он набрасывает верёвку на шею, из-за кустов выходит всё население колхоза и с воем и плачем устремляется к нему. Кричат: "Не надо, Сергей Фёдорович!" Он делает вид, что не видит людей, прилаживает поудобнее верёвку. Наконец обращает внимание на идущих, хмуро на них смотрит, сам начинает плакать: "Не любите вы меня, не любите" - горько, сквозь слёзы. "Любим, ещё как любим!" - утверждают подходящие к нему, а некоторые уже и на коленях. "Не любите!" - "Любим!" Дело кончается тем, что председателю подносят чарку. На этом запой и кончается".

"Фоменко. Тбилиси. Гостиница "Иверия", 16-й этаж, ресторан, семь часов утра. Вяло заканчивающаяся пьянка. Официанты раздражённо ходят и помахивают грязными салфетками. Появляется неизвестный - огромный, с диким "чугунным" лбом. Директор Тбилисского пивзавода. "Этой хрени, которую ты поставил, я не смотрел, но знаю, что ты - Фоменко. Убрать со столов всё это недоразумение!" Пьянка снова. В десять утра директор завода вскакивает на карниз. Внизу - шестнадцать этажей и "Кура, мутная такая". "Если кто-нибудь не выпьет за здоровье Иосифа Сталина, я брошусь вниз". Пётр: "Бросайся!" Директор: "Хрен с ним! За здоровье Петра Великого!"

Булат поехал во Фрунзе - через Министерство культуры. "Какая у вас ставка?" - "Никакой". - "Ну, значит, вы ещё останетесь должны нам. Иванько - тот самый герой "Иванькиады". - "Ну мы для вас сделали невозможное, выбили для вас ставку. То есть пополам: 50% - себе, 50% - государству".

Мишу вызвали в Союз, сказали: в то время как у нас продовольственная программа, у вас какие-то намёки насчёт гречихи (в руках стенограмма выступления Миши в ВТО). Подошли другие секретари Союза. Читают, глаза смеются, говорят: "Вот тут, ну просто безобразия. Отсутствие вкуса". Ну, пока там разговоры, туда-сюда, вдруг один говорит: "Я слышал, что комсомол вам добывает квартиру? Я могу позвонить Пастухову и попросить". Тут Миша заёрзал. Прямой шантаж. "Да, - говорит, - есть безвкусица. И вообще, Союз меня забросил, никто не проводит разъяснительную работу".

Н.Озеров: "Мяч неожиданно (!) оказывается у шотландцев... Какая-то настырная команда".

В колхозе лекция: "Азарх американской культуры". Читает: маразм.

Бокс по ТВ: СССР - США. "Команда-то у них - одни негры". - "Конечно, у них белые не дураки, чтобы себя подставлять".

"Кто таскал царя за уши? Ай - здарсьте!! Александр Сергееч Пушкин! Ай - бросьте!!" - пионерская песня.

Прохожий - фермеру: "Разрешите, я пройду через ваш участок. Мне нужно успеть на поезд 9.40". Фермер: "Пожалуйста, а если вы встретите моего Рекса, вы свободно успеете и на поезд 9.15".

Письмо в ВАК: "Я ничего не хочу сказать плохого о соискателе. Вы просто вызовите его в Москву. Не задавайте никаких вопросов, просто поставьте перед собой, и вы увидите, какой перед вами стоит ишак".

В дверях: "Ты меня целуешь?" - "Конечно. Условно".

Володя уходит на работу и говорит Надежде (та закрыта в кухне с попугаем, который не любит, когда уходят): "Я пошёл, Надюша". Она ему отвечает: "Я рыдаю!!!!"

Мама про кота Шурика: "Он ломился ко мне всю ночь!"

Когда Полянский работал в Японии, у него во дворе Посольства лежало бревно. 8 мая с главными сотрудниками он приходил к бревну и перетаскивал его с одного конца двора на другой.

Тамада перед первой рюмкой говорит (а предстоит большая пьянка): "Давайте оглядим друг друга и запомним друг друга".

- ... И баек этих было бесчисленное множество. Кроме этого, очень много было у него сведений о войне, о шпионаже. Вот, знаете, есть область, которой интересуются подростки от 15 до 18 лет. Их хлебом не корми - нужна романтика путешествий, нужны восхождения куда-то, нужен детектив, научная фантастика, неожиданные гипотезы, неопознанные летающие объекты. Юра, став уже немолодым человеком, оставался вот в этом возрасте - от 15 до 18. Романтическое ощущение мира в нём продолжало жить, его всё это подлинно интересовало, а набит он был сведениями обо всём этом удивительно. Ведь он, кроме всего прочего, очень здорово знал историю, новейшую историю. Поэтому, когда мы взялись за цикл "Стратегия Победы" о войне, это было его, как для него создано, он с удовольствием "купался" в этом материале.

Я с Юрой никогда ничего не делал вместе, хотя хотелось что-то сделать. Скажем, фильм с зонгами, использовать то, что в Юре жило. Но тут, я думаю, мы бы с ним не во всём соглашались. Я говорил "он не борец" потому, что в тех фильмах, которые Визбор делал до этого, социальной темы как бы не было. Есть люди, которые рассказывают о борьбе человека со стихией - это всегда драматично, и есть люди, которые рассказывают о борьбе людей с людьми. Юра всегда рассказывал о борьбе человека со стихией, это его подлинно привлекало. А мне всегда хотелось рассказывать о людях, которые пытаются пробить лбом стену.

- *Вы мне напомнили один прекрасный афоризм Станислава Ежи Ленца: "Ну, хорошо, ты пробьёшь головой стену, но что ты будешь делать в соседней камере?" Может поэтому отец уходил от социальных тем?*

- Может быть. Но вы понимаете, где-то ведь должна быть стена в конце тюрьмы. Вот я, например, уверен, что Юра рванул бы в Спитак и делал бы фильм об этом.

- *Кстати, его друзья-альпинисты так и поступили. Они были там.*

- А вот если бы мы с ним делали фильм, скажем, о Мурманске, его бы интересовали там, я не знаю, капитаны - морские волки. А меня бы интересовало, почему у них рыбу не принимают, условно говоря, и почему вообще рыба гниёт, что вообще происходит, и до каких пор. Не знаю, может мы бы и нашли общий язык, но социальная тема его мало привлекала. Он имел на это

право, в конце концов. Каким образом нас отворачивали от социальной тематики - это длинные повести, у каждого - свои.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

Талант мне дан для того, чтобы ясно оценить степень собственной бездарности.

Я написал две очень искренние вещи - повесть "Завтрак с видом на Эльбрус" и статью о Л.Шепитько. Меня обвинили в журнале "Юность", что я плейбой и жил с Ларисой! Когда Зерчанинов сказал, что это неправда (он показывал статью Климову), ему ответили: "Ну что же он мог другого сказать?"

... И тогда все подумали о Брежневe. Все в сдержанной форме выразили своё "удручение". "А я рад, - сказал мой знакомый, - наконец всё сдвинется с мёртвой точки".

"Вы слышали эту историю с Брежневым?" - "Нет". - "Не слышали? Насчёт того, что он помер?"

У многих проходят митинги не по поводу смерти, а по поводу "поддержания спокойствия", "пресечения вражеских речей", против каких-то прогнозов по поводу состава правительства.

Всё ему писалось, диктовали разные люди, придерживающиеся различных взглядов. Он всё читал. Не только обращения к иностранцам - это называлось "переговоры", - но и, что поразительно, к своим. "Я думаю, что мы должны одобрить этот документ". Всё это писано, - как в анекдоте, когда звонят в дверь, подходит ответработник, вынимает из кармана текст, разворачивает и читает: "Кто там?"

Обсуждают 10 ноября вопрос замены концерта ко Дню советской милиции фильмом. Все думали - Кириленко. Кто-то сказал: "Вот, если б главный дуба дал..."

Похороны по ТВ. Опухшая Г.Л. с почти хозяйственной сумкой в руке, бриллианты кричат. Распространились слухи, что за две недели до кончины отца летала она в Цюрих с маленькой "сумочкой". Пьяненький, совершенно пьяненький, до неприличия, Ю.Л., строго поддерживаемый охранником, как-то порывается выпрыгнуть вперёд, махнуть руками, как пьяный сапожник. После парада войск стали подавать клану машины. Две "Чайки", "Волги", два "Мерседеса". Всё на глазах 35-ти тысяч зрителей, которые всё ещё держали в руках портреты покойного. В конце репортажа

о похоронах в кадр - общий план Красной площади - влетел совершенно чёрный ворон и полетел прямо на камеру, всё более укрупняясь. Наконец пересёк кадр и скрылся. Тут и дали заставку, будто ждали этого ворона.

Всех поразила энергия нового Генсека. Явная неимпровизированность происходящего и ощущение того, что он торопится, что у него есть некий план. Вообще, время всколыхнувшихся надежд. И хотя надежды на надежды эфемерны, всё равно ждём. Мой друг сказал: "Так привычно было жить в говне, никаких расстройств. А теперь сердечко встрепенётся и упадёт, что тогда делать? Жизнь кончать тем или иным образом".

- ... К сожалению, впервые на творческой дороге мы с Юрой встретились на последней в его жизни картине. Он в то время тяжело болел - инфаркт. Мы все ждали, когда он выйдет из больницы, выкарабкается из этого... Он выкарабкался и начал уже приходить на студию. Я, будучи сердечником, всячески расспрашивал его: как? что? Ведь всех нас интересует: а не больно это? И всякие такие "радости": как это происходит, как это будет у меня, если будет. Вот у тебя было - давай, расскажи. Я помню, как-то ехали в машине, и он мне подробно рассказал историю своего инфаркта от А до Я: как его вытаскивали, и что это было, и лекарством со мной поделился. Это лекарство ему достали, ну я не знаю, "лучшие кардиологи Советского Союза - это такие ребята золотые, к которым меня привезли". И в общем, это не понт был, это был какой-то кусочек его жизни: и врачи - потрясающие ребята, и альпинисты - потрясающие. Вот это представление о той дружбе, о той взаимопомощи, которая должна быть и которая потом жизнью разрушается, к сожалению, а в нём это жило.

Он не мог ездить - после инфаркта ещё опасался. Была работа с книгами, причём с книгами, которые он очень любил и знал. Это история Второй мировой войны. Он мог засесть на даче, обложиться книгами и потихонечку всё делать... Вы знаете, когда-то Аверченко назвал один свой сборник "Рассказы для выздоравливающих". Так вот - это была работа для выздоравливающих: и интересная достаточно, и не требующая физических подвигов...

Первую картину о Днепре Юра делал с Олегом Корвяковым. Помню обсуждение этого сценария. Юрин был первым, и поэтому подвергся наибольшему разгрому. Я помню, как он был расстроен по поводу того, что раздолбали. Он его переделывал несколько раз. Нужно было нащупать стилистику цикла вообще, установить

её, разработать, надо было в одном сценарии выработать процедуру всего цикла. Юра взял на себя эту ношу, и, собственно, это сделал. А потом уже по этой процедуре, укладывая в неё своё содержание, было работать значительно легче всем другим. Придумать и обосновать роль историка, роль журналиста, что они делают, для чего существуют в рамках этого цикла, каким образом вводить хроникальный материал, сколько должно быть подлинных съёмки. Всё это решалось уже в первой картине.

В нашем фильме, он называется "Победная весна" (то есть весна 45-го года) Юра увлёкся (и правильно сделал) несколькими историями. Мы взяли с ним историю о том, как Жуков предлагал взять Берлин в феврале. И существует его приказ: "Овладеть городом Берлин 16 февраля". Это - самый драматичный момент войны. Казалось, победа близка, а на самом деле пришлось у Берлина задержаться и очень долго стоять, терять бесчисленное количество людей. Сколько времени прошло, и об этом мы почти ничего не знали - это раз. И потом - Юру привлекала история, которая была ему близка невероятно. Это история Маринеско из серии "Золотые мужики". Маринеско мог бы быть альпинистом, врачом-реаниматором - он из этой породы "вечных мальчиков", поэтому Юра достаточно подробно об этом рассказал. Время было чудовищное. Казалось бы, что такого - Жуков приказал брать Берлин или история о Маринеско, но всё это в то время стало апокрифами, крайне нежелательными для Главпура, для Института военной истории. Они написали "свою" историю и ждали, что Юра и другие сценаристы просто перепишут её на язык документального "кина" и всё. А вот какие-то собственные изыски да попытки сопоставить воспоминания одного маршала с другим, поймать на несоответствии (а именно такая история у нас была) - кому это надо? А Юра нашёл полемику Чуйкова с Жуковым, которая была вроде бы забыта и отставлена, он её вытащил. И всё это делало фильм хотя в общем-то всё равно официозным, но всё-таки каким-то "мускулистым", давало нечто, за что его имело смысл смотреть. Мы нашли, благодаря Юре, какие-то участки, где могли побеждать, могли завоёвывать зрителя.

Помню, с оператором Мелетиним ездили к Юре на дачу. Работать с ним было легко, в нём была нужная доля самоуверенности, он нелегко уступал, но ему можно было доказать что-то. Юра был упрям в необходимых пределах, без такого упрямства просто нет творческого человека, понимаете? Работать мне с ним было легко ещё и потому, что, когда мы делали "Стратегию Победы", были с ним абсолютными единомышленниками. Хо-

телось протянуть в этот фильм как можно больше "неофициоза", хоть что-то нормальное, хоть что-то, имеющее отношение к жизни. Более-менее нам это удалось. Здесь, конечно, большая Юрина заслуга: и отбор материала, и попытка хоть чуть-чуть реанимировать этот "труп", сделать так, чтобы "руки-ноги двигались". Сдавали мы картину уже без Юры...

Знаете, у меня сохранились записи об этой сдаче, замечания по картине. Вот они. "Кто смотрит?" - моя запись. Рукою Хесина - ответ: "Зам.зав.отделом пропаганды ЦК КПСС Севрук, зав.сектором телевидения и радио ЦК Органов, председатель Ленинградского комитета Покрышкин" (действительно, Покрышкин посмотрел картину, она ему очень понравилась). И Лапин.

Замечания.

1. "Снять жертвенность. Вот не нужно - гибли солдаты, каждый километр полит кровью, не надо этого".

2. "Вот там у вас Гитлер верил - не верил, не надо нам думать за Гитлера, чему он верил, чему нет".

3. "Убрать музыку Утёсова. Сталин знал цену Утёсову. Вот была у нас в то время такая "салютная полка" на радио, которую мы давали после салютов и точно знали, что Сталин её слушает" - это Лапин говорит. Мы отвечаем: "Здесь же вечеринка, встреча Нового года. Ну мы Глазунова поставим". "Нет, - говорит Лапин, - поставьте вальс Мантейфеля, его Сталин очень любил". Впоследствии поставили мы этот вальс. Шли таким способом: лучше уступить с Утёсовым, но оставить Маринеско.

4. "Вот сейчас, вы говорите, идут споры о Ялтинской конференции, попытки опрокинуть, исказить. Нужно всячески показать, что Ялтинская конференция - образец того, что Советский Союз от международных соглашений не отступал и не отступает". То есть рассказывать абсолютное враньё о Ялтинской конференции.

5. "Не надо о бомбардировке Дрездена, там Галерея была разрушена, не надо напоминать об этом немцам".

- Отец с начальством был в хороших отношениях?

- Он с начальством дела не имел! Был вольной птицей. Хорошо сказал когда-то Ваня Менжерицкий: "Слуга одного хозяина - слуга, слуга нескольких хозяев - сам себе хозяин". Короче говоря, не было у него начальников. В этом смысле Юра сумел обеспечить себе в жизни удобное место, в котором сам собой распоряжался. К Хесину с какими-то просьбами обычно Юру отправляли, потому что ему легче было всего добиться, чем кому-то.

В последний раз мы с ним встречались у него дома. Юра куда-то должен был срочно уехать и оставил меня часа на два одного. Куча книг, я помню, была. Он дал мне сборник своих стихов, перепечатанных на машинке. Я сидел, читал, лазал по книжкам: рассматривать чужие книги - самое большое удовольствие... Очень люблю книги 30-х годов, помню, у Юры была такая смешная книжка в металлическом переплёте о бронетанковых войсках. Потом Юра вернулся, мы с ним "роскошную" трапезу устроили, сварили четыре сосиски - всё, что было в доме к тому моменту...

- *"И безнадёжно смотрит в холодильник"...*

- "А там зима, пустынная зима" - абсолютно точно по его песне это было. Тогда же я увидел Юрины картины. Честно говоря, я и не подозревал об этих его талантах, не знал, что он рисует.

- *Он сам не придавал этому значения.*

- Хотя рисовал достаточно здорово. Мы посидели, режиссёрский сценарий обговорили, договорились о дальнейшей работе.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"На похоронах Володи Красновского его жена Люся сказала: "Весь год Володя жутко нервничал из-за тарификации, несколько раз не ходил, потом пошёл, показался. Для него - средне, но им понравилось..."

В тот день поехали они к Люськиному отцу на кладбище. На сердце Володя никогда не жаловался, только скажет иногда: "Жмёт чего-то". И всё. В метро ему стало плохо, поехали обратно, на станции "Библиотека им. Ленина" он стал умирать. Кто-то помог - вытащили на воздух. Минут тридцать ждали "скорой помощи", а Володя уже умер. Эти кретины из его мастерской несли ахинею, говорили: "Только недавно мы выступали в Балашихе перед ветеранами войны и труда..."

Мэп научил нас любить Пушкина, Гоголя, закаты, театр, Ливанова - в те годы, когда все любили только Сталина. В нём был Архангел, и он трубил в наши молодые сердца. Меня, во всяком случае, он воспитал, образовал, заразил...

Утром, в пятницу 10 февраля, было обсуждение моего сценария "45-й год". Я приехал немного пораньше. Элеонора сказала - умер Устинов, радио сменило программы. Почему Устинов? Он отменил поездку в Индию. Потом подошёл Мелетин: "Та сторона коридора имеет другое мнение". - "Кто?" - "Сам". Только потом, стоя у Манежа на "красный свет", я увидел белый "Мер-

седес", полный возбуждённых людей, а за рулём - Нонну Щелокову - улыбки, ликование от уха до уха, и понял: Андропов.

Определили так: если думают о стране и о партии - назовут Михаила Сергеевича, если думают, как бы зажать всё и дальше - "Гришку", если думают о своей колбасе - "завгара".

Похороны были во вторник. Самое поразительное в том, что уже в 9 утра в среду по городу разъезжали грузовики и срывали все цитаты "из предыдущего Генсека".

Бывший министр иностранных дел Англии Оуэн - врач по профессии - поставил по ТВ диагноз: эмфизема лёгких, психически ненормальные дети. В предвидении снятия отца сменили квартиры, заготовили шмотки. Но через день он уже стал "выдающимся деятелем ленинского типа".

Когда подошла Тэтчер, он не знал, что сказать, косился на Громыко, прятал глаза. Главы подходили и соболезовали. Но он принимал их приход как поздравления к восшествию. Все остальные слетелись сюда, чтобы своими глазами убедиться, правда ли? Не врут ли? Нет, правда, не врут. Ликовали.

Весна похожа на развод - открывает всю грязь..."

- ... Потом Юра заболел, предполагалось тогда, что гепатит. Я помню последний звонок, незадолго до трагических событий. Он спросил: "Как дела?" Я ответил, что фильм сделан, в общем, надо бы посмотреть, решить, что сократить. Тогда он сказал: "Ты знаешь, я хочу приехать, но приехать в воскресенье, когда никого не будет - это первое. Второе - я хочу, чтобы мои близкие об этом не знали. Для этого нужно будет взять машину, привезти меня, а потом увезти. Конкретно - я тебе позвоню". Так он тогда и не позвонил. Я сначала не понимал, почему обязательно в воскресенье, когда никого не будет, потом понял: он не хотел, чтобы его видели таким. Свою последнюю картину Юра не увидел.

Не могу сказать, что был его другом, постоянным спутником в каких-то житейских ситуациях. Помню один вечер. Мы возвращались с поминок, хоронили нашего режиссёра Надо Щелканову, это был "первый звонок", до этого из наших никто не умирал. Зашли мы к Юре в кооператив "Тишина", как его называли, выпили. Юра взял гитару, пел целый вечер, чтобы в песне какой-то выход найти. После этого я ему прочёл своё давным-давно написанное стихотворение в прозе: "Когда ты начнёшь умирать, у тебя отнимется речь. Они придут к тебе и скажут: "Мы были его друзьями". Ты будешь знать, что это не так, но не сможешь сказать и захлебнёшься от ярости. Когда ты начнёшь умирать, у тебя отнимется речь. Он придёт к тебе и скажет: "Он был моим должником". Ты будешь знать, что это

не так, но не сможешь сказать, и захлебнёшься от ярости. Когда ты начнёшь умирать, у тебя отнимется речь. Она придёт к тебе и скажет: "Он любил меня". Ты будешь знать, что это не так, но не сможешь сказать, и захлебнёшься от ярости. Так пока ты можешь говорить - скажи им всё". Юре оно понравилось, и он сказал, что хорошо бы сделать из него песню. Песня сделана не была.

Так случилось, что я первым выступал на похоронах. Вёл траурный митинг Хесин, он всего чего-то боялся. Мне он говорил: "Вы делали последнюю работу с Юрой, начните, но я вас прошу - без особой остроты. Не надо, сейчас не время".

С Кимом у него было:

- Как объявить?
- Объявите: Ким.
- Нет, я объявлю: Михайлов.

Очень боялся, что мы в своих надгробных речах как-то выйдем за рамки, а ему потом на парткоме скажут: "Ну как же вы допустили?" Вообще похороны были организованы безобразно. Насколько я понимаю, власти после похорон Высоцкого и Шукшина боялись повторения такого народного гигантского шествия, боялись, что это может вылиться в некую демонстрацию. Почему? Просто смерть очень популярного человека пугала их тем, что может собраться много народу, а много народу - критическая масса, она неуправляема. Много молодёжи, много интеллигенции - всё это всегда пугало наши власти. И поэтому они постарались "обудничить" предельно. Все мы были удивлены и возмущены тем, что нам не дают возможности нормально, в человеческих условиях, провести панихиду. Да, господа, почему это надо делать в морге? На кладбище? У нас ведь есть зал в Доме звукозаписи на Качалова. Туда могут прийти много людей, попрощаться по-людски.

Когда мы принесли Юру на кладбище, у меня появилось такое ощущение: бывает общежитие, а это - общесмертие, стоящие рядышком-рядышком могилы. Какое-то стремление после смерти построить всех в шеренги, в ряды, и наконец-то привести в то состояние, в которое хотели привести при жизни.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮРИЯ ВИЗБОРА

"Речь на своих похоронах, записанная на плёнку".

На могиле деда

ВСТРЕЧА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ МАРКОВ - главный врач Спортивно-оздоровительного диспансера.

- Мне тяжело об этом вспоминать... Когда я узнал, что постепенно отпали все места, где можно было бы по-человечески проститься с Юрой, то предложил устроить панихиду в актовом зале нашего диспансера.

Дело в том, что некоторое оправдание у нас для чиновников было: Юра у нас лечился после травмы и довольно часто потом выступал в этом зале. Я не думал, что будут сложности. Все Юрины друзья, конечно, понимали, что запрещение идёт откуда-то сверху. Не могу ручаться за достоверность информации, но чуть ли не Гришин бросил фразу, что "нам не нужно второго Высоцкого". То ли это действительно было сказано, то ли это уже народная былина. В общем, для Юры в Москве места не нашлось, а на панихиду в нашем зале мы вроде бы получили добро, оповестили всех, где состоится прощание. И буквально утром 19 сентября мне позвонили из Ждановского райкома партии и сказали, что именно в нашем актовом зале, именно в то время, когда должна была состояться панихида, Ждановскому райкому необходимо провести партактив какой-то хозяйственный. Я, собственно, даже не стал расспрашивать и пытаться что-либо объяснить: всё и так было понятно. А под окнами диспансера уже стал собираться народ, подъезжали автобусы, потом пришло огромное количество людей. День был дождливый, но все ждали, просто поверить не могли, что даже здесь не разрешили. Всё это продолжалось несколько часов, потом долго выясняли, где Юру хоронят, никто не знал, куда ехать, на какое кладбище...

Вы знаете, я, конечно, мог бы конкретно назвать людей, причастных к этой истории, но думаю, нет смысла это делать, и отнюдь не из-за того, что это каким-то образом их ущемит,

а просто недостойно памяти Юры. Потому что месть, злость, кровожадность категорически были несвойственны ему. И несмотря на то, что до обидного не воздано этому человеку при жизни, на него обращались совершенно непонятные громы власть предержащих, в этом конкретном случае приобрело паталогические формы, Юра вряд ли бы хотел каким-то образом сводить счёты. Сейчас просто смешно сравнивать его имя с теми, кто якобы ныне здравствует. Ведь это ещё вопрос, кто по-настоящему жив, а кто и при жизни - мёртв...

У Дмитрия Сухарева есть стихотворение, оно посвящено моим родителям, его "старым друзьям Аде Якушевой и Юрию Визбору...". В нём такие строчки: "На Неглинной у Адели, где игрушки на полу, пили, ели, песни пели, дочь спала в своём углу". А потом, как шутят мои друзья, девочка выросла, выпалась... и записала в своём пионерском дневнике в разделе жизненных задач: "Попытаться опровергнуть истину, что природа отдыхает на потомках". Сейчас я понимаю, что это невозможно. Но это сейчас, а тогда...

Помню, был один случай, который я долгое время вспоминала с удовольствием. Мы с отцом пришли на встречу Старого Нового года в ВТО. Гостей встречал при входе Зиновий Ефимович Гердт - хозяин вечера. Увидев нас, он сразу же подошёл к отцу, как бы не замечая меня, и заинтересованно спросил: "Простите, это вы отец Тани Визбор?" Зиновия Ефимовича я по сей день вспоминаю с большой благодарностью, хотя он об этом, вероятно, и не подозревает. А сейчас, бывая в "Останкино", я заглядываю в полупустые комнаты редакций в надежде, что кто-нибудь меня окликнет и скажет: "Таня, как ты выросла, я ж тебя вот такой помню" - и, пригнувшись, установит руку чуть выше пола, показывая, какого примерно роста я тогда была. Но таких людей становится всё меньше, да и я больше не расту...

... Настало время "собирать камни", делать какие-то выводы, а их, собственно, нет. Что сказать? Что отец не вовремя умер, что только сейчас пришло время таких, как он, что талант остался нереализованным, а творческие возможности - не востребованными? Может, отчасти это и так. Но я говорить этого не буду, потому что считаю, что "то время" было его временем, оно таким и останется, и всё, отпущенное ему, он сумел реализовать честно и правильно: не лгал, не суетился и не оставлял "на потом". И редко кто успеет сделать столько за жизнь, сколько успел он, - поэтому и кажется иногда, что прожил он много жизней, и все они даже тогда удались, имели смысл. И, может быть, характер его разножанровый был позарез нужен именно тогда.

Я благодарна людям, которые, несмотря на будничную суету и занятость, уделили мне время и так откровенно говорили обо всём. Благодаря им я не только узнала, каким теледокументалистом был мой отец, но и поняла, как мне кажется, главное: он работу воспринимал - как жизнь, а жизнь - как работу, любимую работу.

А для меня он был отец, папа. Ушёл, а слово осталось, слово-то какое доброе - папа. И сейчас на вечерах его памяти я вновь и вновь беру гитару и, прекрасно понимая, что надежды несбыточны, как молитву повторяю: "Здравствуй, здравствуй, я вернулся!"...

СОДЕРЖАНИЕ

НА ПОЛНОМ СЕРЬЕЗЕ, или "ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ"	3
ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ. Б.А.Горбачёв	7
ВСТРЕЧА ВТОРАЯ. М.А.Рыбаков	11
ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ. С.А.Григорян	17
Из выступления Юрия Визбора в городе Пушкино, 1977 год	20
ВСТРЕЧА ЧЕТВЁРТАЯ. Г.Э.Фрадкин	31
ВСТРЕЧА ПЯТАЯ. С.Е.Толкачёв, Ю.А.Завадский..	39
ВСТРЕЧА ШЕСТАЯ. В.Ф.Волосатов	51
ВСТРЕЧА СЕДЬМАЯ. В.П.Лисакович	57
ВСТРЕЧА ВОСЬМАЯ. Д.И.Дёмин	63
ВСТРЕЧА ДЕВЯТАЯ. О.В.Корвяков	69
ВСТРЕЧА ДЕСЯТАЯ. С.М.Зеликин	75
ВСТРЕЧА ОДИННАЦАТАЯ. Л.Н.Марков	87

Татьяна Юрьевна ВИЗБОР

"ЗДРАВСТВУЙ,
ЗДРАВСТВУЙ,
Я ВЕРНУЛСЯ!.."

Фото из личных архивов И.Алексеевой,
Т.Визбор, В.Волосатова, Д.Дёмина,
И.Каримова, О.Корвякова, А.Якушевой
и Московского КСП

Ответственная за выпуск Т.ЗАЙЦЕВА

Главный редактор С.ЗАЙЦЕВ
Редактор Ю.ТЫРИН
Ответственный секретарь А.ИВАНОВ
Компьютерный набор М.ШИНКАРЕНКО

Учредитель издания - Государственный культурный центр-музей В.С.ВЫСОЦКОГО
ГКЦМ В.С.ВЫСОЦКОГО:
109004, г. Москва, Нижне-Таганский туп., д.3, телефон 915-75-78
Расчетный счет № 609743 в Таганском филиале Московского индустриального банка

Читателям «Валанта»
с надеждой, что вы меня
поймете...

Татьяна Визбор

fy-